

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ НЕГОДЯ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Последнее прибежище негодяя

«ЭКСМО»

2015

Романова Г. В.

Последнее прибежище негодяя / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2015 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-78750-0

Александра Воронцова просто не могла скрыть своих слез – мало того что ее несправедливо обвинили в промышленном шпионаже на работе, чуть было не уволили, разругалась со своим парнем Сашей Горячевым, так теперь случилась самая страшная беда – умер любимый дедушка. А полиция обвиняет ее деда в убийстве его соседей Лопушиных на бытовой почве. И якобы после этого преступления дед сам и застрелился из своего трофейного наградного пистолета. Александра во все это поверить не может, не таким человеком был ее родственник, но никто ей не верит, рассчитывать приходится только на себя... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-78750-0

© Романова Г. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	30
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Романова

Последнее прибежище негодяя

Глава 1

– Ну вот и засентябрило... – произнес кто-то в пустой серой комнате голосом ее покойной бабки.

По голому полу зачавкали подошвы ее резиновых тапок. Потом хрустнули пружины матраса ее деревянной кровати. Зашуршал накрахмаленный пододеяльник. Бабка улеглась в постель.

– Скоро раздождится, потом завьюжит, – не унималась бабка, ворча в подушку. – Холода... Грядут холода... Дед-то не переживет. Да и нечего ему там, с вами, нечего делать...

Одна из пружин под ее старым крупным телом взвизгнула особенно остро и противно. Потом еще и еще раз. Бабка будто нарочно решила извести ее, покачиваясь на скрипучей койке. Надо было прикрикнуть на нее. Иначе это никогда не закончится. Бабка всегда была вредной.

Саше пришлось открыть глаза.

Будильник! Конечно, это был будильник. Больше-то нечему было так противно ныть. Той старой скрипучей кровати давно уже не было. Как не было в живых и бабки. Она померла семь лет назад в январскую стужу.

– Даже помереть не могла как надо, – ворчал дед, отворачивая ото всех заплаканное несчастное лицо. – Людям-то теперь как землю ковырять! Морозы-то какие! Эх, Лия, Лия. Не могла подождать до тепла? Вот вечно ты назло всем все делаешь...

Убедить деда в том, что на все воля Божья, что его жена Лия прожила много дольше, чем ей отводили врачи, никто не взялся. Он когда-то для себя решил, что Лийка должна его пережить, и все. А там вы как хотите. А что у его жены было очень больное сердце, изношенный никотином организм, израненная сиротством единственной внучки душа, что не могло подарить ей лишних лет, он как данность принимать не хотел.

– Она должна была меня отволочить в ящике, Сашка. Она... – горевал он потом долгих два года. – Что мне вот теперь, а? На стены тут выть?! Ты еще вот съезжаешь...

Саша протянула с дедом еще год после этого, потом все же съехала на квартиру, которую купила по соседству. Все следующие четыре года она дважды в день ему звонила, через день навещала. А воскресенье и вовсе проводила весь день с ним, все чаще за городом. И ничего, дед смирился. С годами повеселел, начал даже засматриваться на одиноких соседок. Но так, не по-серьезному, просто для общения, подчеркивал он.

– Лия хоть и была стервой... Матерой стервой, Сашка! Такие теперь не рождаются, – говорил он, и старое лицо его мгновенно превращалось в горестную маску. – Но заменить ее мне никто не сможет. Никто! Никогда! Скоро семь лет, как нет ее, а она мне почти каждую ночь снится. Тебе-то, Сашка, она хоть снится?..

Саше бабка никогда не снилась. И Саша за это была ей крайне признательна. С бабкой они не очень-то ладили. Та была придирой и ворчуньей. Вечно искала изъяны в Сашином воспитании, манерах и внешности. Хотя сама ее и воспитывала, прививала манеры и учила, как себя преподать. Противной она была. Не то что дед. Милый, мягкий, покладистый человек. Грешно признаваться, но Саша втайне радовалась, что первой ушла бабка. Случись по-другому, кто знает, как бы все сложилось. И она, если честно, уже стала забывать ее. Как она выглядит, как ходит, как говорит.

И вдруг этот сон! Первый за семь лет!

Бабкин голос. Ее поступь в отвратительных резиновых шлепанцах, звонко шлепающих по полу и пяткам. Скрип пружин ее кровати, хруст накрахмаленного постельного белья.

Что она говорила? Что-то говорила ведь точно. Что-то нехорошее, противное. Что-то про деда.

Завьюжит... Захолодает... Дед не переживет...

Ужас какой! Только не это! Только не теперь! Он ей сейчас так нужен! Особенно сейчас!

Саша сбросила с себя толстое одеяло, соскочила с кровати и, подойдя к окну, рванула шторы в разные стороны. Прильнула носом к стеклу, рассматривая улицу и стену дома, в котором жил ее дед.

Все было как всегда. Серая бетонная стена стояла на месте, не рухнула. Ровным рядом, нависая низкими ветками над бордюрным камнем, стояли притихшие от безветрия ивы. На подъездной дорожке к дому деда, как всегда, раскорячилась «Газель» Витьки Ломова – хозяина маленького дежурного магазинчика. Машину разгружали, в магазин таскали лотки с хлебом, упаковки с пряниками, печеньем, пакеты с макаронами. Значит, сегодня четверг. Печенье с пряниками всегда привозили по четвергам. По вторникам и пятницам – молочку и колбасу. По понедельникам то, чего не хватило в выходные. Все по графику, все четко, размеренно. Дни недели можно было сверять по поставкам в ломовский магазин. Тошно, конечно, что он постоянно дорогу перекрывает. Но не скандалить же было с ним всякий раз из-за этого.

– Сашка, тебе от своего подъезда до подъезда деда – тридцать пять шагов, – возмущался Виктор, когда она пыталась его призвать к порядку. – Ты быстрее дойдешь, чем тачку со стоянки выгонишь.

Это, конечно, было правдой, дойти было быстрее. Но дело принципа, ведь так?

– Вся вот ты в бабку свою, противная, – ворчал он ей в спину, когда она все же заставляла переставить «Газель», угрожая ему штрафами. – Той тоже вечно все мешало!

Бабке при жизни и правда мешало все. Свет уличных фонарей мешал спать по ночам. Если фонари не горели, темнота сокрушала могильная. Мешали соседи: топали над головой, орали в подъезде, хлопали дверями. Мешала назойливая почтальонша, навязывающая пачки лаврового листа и упаковки молотого перца. Мешала подъездная уборщица, залившая лестницу водой. Мешал шум дождя и ветра. Мешала иногда и Саша со своей подростковой необузданной веселостью и чрезвычайно посерьезневшей юностью. Теперь вот получается, что ей помешал дед на этом свете. Она решила его призвать к себе до холодов.

Саша именно так поняла странный сон, первый и единственный с участием бабки за минувшие семь лет. И сделалось неуютно и холодно, хотя за окнами золотился солнцем сентябрь.

Начало сентября было тем временем года, в котором она чувствовала себя особенно комфортно. Солнце не палило, а грело. Ветер случался редко, а если и случался, то сыпал под ноги дождем золотой листвы, и ей это очень нравилось. Вечерами в пригородных поселках жгли костры, и она с удовольствием вдыхала осторожно наплывающий на город запах сожженной картофельной ботвы и сухостоя.

Она любила сентябрь всегда, но не сегодня. Сегодня, утром четверга, утром нерабочего четверга ей было противно и тошно. И из-за того, что у нее произошло на работе, откуда ее в срочном порядке выпроводили в отпуск. И из-за сна этого дурацкого.

– Дед? – Саша снова завалилась на кровать с телефонной трубкой – спешить было некуда. – Что делаешь?

– Здравствуй для начала, – отозвался тот ворчливо. – Как бабка твоя, Сашка! Та вечно ни здрасте, ни до свидания!

– Она приснилась мне сегодня, дед, – вдруг призналась Саша, рассматривая кусок яркого голубого неба в незашторенном окне.

– Да ну! – удивился он. Голос его дрогнул волнением. – И что было в твоём этом сне?

– Да ничего особенного. Ходила она по комнате, ворчала, – соврала Саша.

– А чего ворчала-то? – беспокойным голосом спросил дед. – Может, на нас на что-то обижаются, Сашок, нет? Может, могилку надо поправить? Ничего такого не было?

– Да нет. Погода не нравилась, скоро, говорит, захладевает.

– Да-а-а, холод она не любила, – дед вздохнул. – А потом взяла и в холод-то и померла. Ладно... У тебя там что с работой? Что думаешь после отпуска делать? Осталось-то две недели всего. Снова вернешься в эту... в этот...

Дед ругаться не любил и всегда подолгу подыскивал нужные слова.

– Дед, не знаю, – Саша вздохнула и зажмурилась. – Уйду, признаю поражение. Как бы соглашусь, что это я виновата!

– Не уйдешь, тебя заставят признать это со временем. Тебе не дадут там жить, Сашка. – Дед рассердился: – Не надо, девочка. Не стоит оно того. Не стоит тратить жизнь, нервы на доказательства. И было бы из-за чего!

Правильнее, из-за кого, хотелось ей поправить деда. Но она промолчала.

– Весь этот сыр-бор выведенного яйца не стоит, девочка, – продолжил учить ее уму-разуму дед. – Проблема надуманная! История неприятная, конечно, но... Но не стоит это того, поверь. Не стоит распылять себя на это.

– Понятно, – слабым голосом промямлила она.

– Понятно ей! – прикрикнул дед. – Чего-то не договариваешь? Что-то скрыла от меня тем вечером, так?

– Нет, – не совсем уверенно ответила Саша. – Все рассказала как было.

– Что пропавший диск с информацией, которую берегли от конкурентов, нашли в твоей сумочке, так? Что в твою причастность к краже почти никто не верит? Что почти все считают это инсценировкой? Как это принято сейчас у вас говорить – подставой. Все так было?

– Так. Ладно, дед, я подумаю, может, после отпуска и не вернусь туда, – пообещала Саша: разговор надо было срочно сворачивать, пока она не расплакалась.

– Но что-то ты мне все же так и недоговорила, – вдруг сделал дед вывод. И после паузы, наполненной его задумчивым пыхтением, обронил: – Все дело в каком-то молодом человеке, так? Кого-то оплакивает твое бедное сердечко, Сашка, так?

– Дед, не начинай! – взмолилась она. – Давай, пока-пока. Завтра увидимся.

– А чего не сегодня? Знаю-знаю, завтра наш день. Но ты же в отпуске, Сашок. Чего не сегодня?

– Может, и забегу, – пообещала она, точно зная, что не пойдет сегодня к деду.

Если пойдет сегодня, дед точно вернется к этому разговору. И тогда точно вместе со слезами выудит из нее правду. А если она ему все расскажет, то это может иметь необратимые последствия. Дед тогда непременно, надев свой военный китель с наградами, пойдет с визитом к...

Тсс, не надо ворошить воспоминания. Не стоит даже думать о том, из-за кого она теперь так страдает. Не стоит...

Глава 2

– Собери всех!

Узловатый, с коротким некрасивым ногтем, палец Соседовой соскользнул с клавиши. Догадливая секретарша, поняв, что у Аллы Юрьевны опять нелады с новым аппаратом для внутренней связи, заглянула в кабинет:

– Алла Юрьевна, я правильно поняла, у нас совещание?

– Да, правильно!

Соседова неприязненно осмотрела ладную фигурку девушки. Та ухитрилась выглядеть на тысячу долларов в грошовом платишке и дешевых туфлях без каблучков. Она вот лично никогда так не выглядела. Даже в лучшие свои годы. Теперь не следовало и стараться. Теперь ей сорок девять. Закат! Закат бабьего века! А рассветать еще и не рассветало.

– Что еще?!

Соседова старательно выгнула левую бровь. Это была мимика крайнего неудовольствия, к этому подчиненные были приучены. Секретарша растворилась, успев пробормотать, что кофе будет готов через минуту.

Соседова всегда пила кофе перед совещанием. Варился полный кофейник на четыре чашки. Туда же сразу засыпался сахар и доливались четыре чайные ложки сливок, очень жирных, очень калорийных. Две чашки Алла Юрьевна выпивала до совещания. Одну в процессе. И последнюю уже после того, как за последним сотрудником закрывалась дверь. Таков был ритуал. Сегодня она ему немного изменит. Сегодня на совещание ей пить кофе не придется. Слишком напряженными будут сегодня дебаты. Сегодня она немного изменит правила игры. Она не станет говорить с каждым наедине. Сегодня она постарается столкнуть всех своих подчиненных лбами. Пускай они разгневаются, запсихуют, перестанут быть сдержанными, начнут орать. И вот тогда-то она – матерая бизнесменша, мудрая из мудрых женщина – точно сможет выловить из всего этого гневного, эмоционального ора нечто для себя полезное.

Она не позволит добить себя! Пусть бабьему веку ее закат вот-вот случится. Закатиться делу всей ее жизни она не позволит! Нет!

Через пару минут, не обманув, Соня внесла поднос с кофейником и крохотной кофейной чашкой. Не глядя на работодателя, пристроила поднос на край стола и, пятясь, вышла из кабинета. Она снова угадала, что именно сейчас видеть ее Алле Юрьевне особенно неприятно. Угрозило же надеть утром новое платишко и туфельки в тон!

Соня уселась на свое место за высокой стойкой. Задумчиво уставилась в монитор, разлинованный реестровой таблицей. И сильно вздрогнула, когда на клавиатуру легла кустовая розочка с белыми цветочками.

– Прекрасно выглядите, Софья, – гортанным голосом констатировал заместитель Соседовой – Геннадий Степанович Савельев. Невысокий несимпатичный мужичок хилого телосложения. – Так держать!

– Спасибо.

Соня кисло улыbnулась и невольно покосилась на дверь. Не хватало еще, чтобы Соседова захватила ее еще и с розой в руках. Шипеть потом будет неделю.

– Что там? – тут же настороженно вытянулся Савельев. – Все так серьезно?

– Будто бы да. А там кто знает! – трагическим шепотом ответила девушка.

– А повестка все та же? – Савельев нервно прошелся пятерней по светлым редким волосам.

– Конечно! Она больше ни о чем ни думать, ни слышать не желает. Я сегодня случайно подслушала ее разговор с кем-то по телефону и...

– О, меня уже опередили!

Савельев и Соня вздрогнули. На пороге приемной стоял главный бухгалтер Заломов Василий Васильевич и с подозрением на них посматривал. Был он худ телом, но мощен духом. И еще подозрителен и весьма неприятен внешне, и наверное, именно поэтому его все боялись, а кто не боялся, все равно избегал. Как досталось от него бедной Саше Воронцовой! Соня до сих пор передергивалась, стоило вспомнить.

– А я-то тоже к вам, Соня, с розами. – Заломов противно хихикнул. – Тоже, знаете ли, эдакий подхалимаж. Тоже хочу знать, что за повестка дня. Никому же ничего... Все жам-жам!

На клавиатуру легла еще одна ветка кустовой белоснежной розы. «Может, они один букет разорили? – подумала Соня рассеянно. – Если сейчас кто-то еще явится точно с такой же веткой, то, значит, один букет на всех делили».

Больше цветов не было. Народ прибывал, теснясь в приемной. Вполголоса переговаривались. Обсуждали, догадывались, трусили. Многие хмурились, боясь, что гнев Соседовой ненапроком коснется и их. Некоторые откровенно радовались, что гнева того избежать могут в силу непричастности. И совершенно не сочувствовали соседу. Некоторые настороженно молчали, рассматривая пол под ногами либо стены поверх чужих голов. К последним относился и Александр Горячев. Он как зашел, как встал слева от двери, подперев спиной стену, так не шевельнулся больше ни разу. Это Соня точно знала, потому что не спускала с него глаз. Потому что он ей очень-очень нравился. Она даже, дрянь бессовестная, тихонько радовалась, когда Сашу Воронцову погнали в отпуск из-за скандальной истории со злополучным диском. Слишком уж у них с Горячевым стремительно начал развиваться роман. Их любовная история семимильными шагами двигалась в направлении логического ее завершения в одном из отделов записи актов гражданского состояния.

– Они точно поженятся, – предполагали одни.

– Осенью точно, – шептались другие.

– Да он ей уже предложение сделал!

– Да ладно?!

– Точно, я знаю...

Соня страдала от всех этих разговоров, потому что Горячев ей очень-очень нравился. А Саша Воронцова – нет.

В новом аппарате внутренней связи скрипнуло, гроыхнуло, и неприятный голос Соседовой приказал всем войти в кабинет.

– Итак, господа! – Алла Юрьевна обвела всех тяжелым взглядом. Он казался особенно тяжелым из-за набрякших верхних и нижних век, а также от неумелого макияжа, а также по причине ее дурного норова и настроения. – У нас проблема...

Все затихли. Многие из присутствующих втянули головы в плечи и опустили глаза. Смотреть на «соседку», как за глаза они все называли начальницу, когда она пребывала в таком дурном расположении духа, было просто невыносимо.

– У нас завелась крыса, – продолжила Алла Юрьевна. – Все помнят историю с Воронцовой?

Как по команде, все головы качнулись вверх-вниз.

– Так вот, история эта не закончена.

– Она что же, продолжает продавать наши секреты?! – преувеличенно фальшиво возмущился Савельев, тут же поймал на себе неприязненный взгляд Соседовой и заткнулся.

– Эта история не закончена, потому что все в ней остается для меня неясным, – тихо, но очень внятно продолжила говорить Алла Юрьевна.

– Что же тут неясного? – обеспокоенно воскликнул Заломов. – Девушка – сирота. Захотелось подбить деньжат. И неплохих деньжат. Почему не воспользоваться безалаберностью некоторых сотрудников? Почему не выкрасть информацию, за которую наши конкуренты заплатят? Тем более что сотрудники эти, мягко говоря, пали жертвой ее чар!

Все головы, как по команде, повернулись в сторону Горячева. Тот головы не поднял. Уши и щеки его сделались багровыми.

– Если позволите, я продолжу, – с издевкой произнесла Алла Юрьевна. Головы снова развернулись на нее. – Так вот... Все в этой истории мне не нравится. Буквально все! И то, что случилось это накануне нашего слияния с фирмой «Мари». И то, что случилось это накануне крупнейшей сделки, сами знаете с кем. И то... как Воронцова легко попала, мне не нравится это особенно.

Голова Горячева впервые приподнялась. Взгляд, обращенный на Соседову, был полон надежды.

– Итак, давайте начнем разбирательство сначала. Вот тут у меня, – палец Соседовой, некрасивый, узловатый, с пожелтевшим от никотина ногтем, уперся в тонкую кожаную папку, – есть некая информация, которая свидетельствует в пользу версии о непричастности Воронцовой к похищению наших секретов. И есть также информация, свидетельствующая против кое-кого... В общем, крыса среди вас сейчас, господа.

В папке у нее ни черта не было. Она блефовала. Но никто, кроме нее, об этом не знал. Никто! И та крыса, что принялась изнутри подтачивать остов ее благополучия, не знала об этом тоже. Поэтому тут же занервничала. Тут же забегала глазками по стенам, потолку, по лицам всех присутствующих.

Так она и знала! Почему-то сразу подумала на этого человека. Потому и сомневалась в виновности наивной Воронцовой, так бездарно попавшейся в ловко расставленные сети.

Ладно, надо будет завтра ей позвонить и успокоить. Пускай с легкой душой догуливает свой отпуск и выходит на работу. К тому времени от мерзкой крысы в их офисе не останется и следа. Н-да...

Легкий шелест тихого возмущения между тем нарастал. Лица покраснелись, прически сбились, узлы галстуков были распущены. Народ разнервничался, распахивался, как она и предполагала, и уже готов был начать показывать друг на друга пальцем, когда она неожиданно прервала совещание.

– Как это – все?! – возмутился Савельев, ее первый зам. – Что это вы, Алла Юрьевна, камень кинули и даже не даете рассмотреть круги! Уж окажите любезность, назовите подозреваемого!

– Да, назовите! – дерзко потребовал Заломов, уставившись на нее глазами ядовитой змеи. – Чего дразнить-то?! Не дети же!

– Завтра, господа. Завтра этим займутся профессионалы.

– Полиция! – ахнул кто-то едва слышно.

Шелест пошел гулять по губам. Алла удовлетворенно мурлыкала про себя. Это было то, что нужно. Это было как раз то, чего она ждала.

Крыса побледнела! Крыса занервничала! Крыса принялась сразу кому-то слать сообщения с мобильного!

– Да, господа, не стану скрывать. Я решила завтра пригласить к нам полицию, так как дело касается оборонного заказа. Сами понимаете, это... это не шутки, господа. Ну а теперь прошу вас покинуть мой кабинет.

Вопреки ожиданиям, народ расходился неохотно. Все что-то толпились. Мешали ее разговору с Савельевым, потом оттеснили Заломова, когда он пытался ей что-то сказать. Каждый, буквально каждый норовил засвидетельствовать ей свое почтение, заискивающе улыбался, косясь на ее палец, все еще прижимавший кнопку черной кожаной папки. Каждый боялся, что там его фамилия!

– Попрошу очистить мой кабинет! – Ей пришлось прикрикнуть – так надоел подобострастный гвалт. – Всем до завтра!

Из кабинета, успев накинуть легкий шелковый плащ, она выходила в сопровождении Савельева, Заломова и Горячева. Их упрямое желание остаться с ней с глазу на глаз ни к чему не привело. Аудиенция ни с кем из них не состоялась.

– Вас сегодня уже не будет? – уточнила Соня, поднимаясь с места.

– Нет, можешь идти, – кивнула ей Соседова и вышла из приемной. И крикнула уже из коридора: – Завтра будь пораньше. Очень важный день!

– Хорошо, – послушно кивнула Соня, мысленно послав Аллу Юрьевну к черту.

На завтра на восемь утра она записалась на маникюр. Придется переносить. Она дождалась, когда толпа схлынет. Понаблюдала через окно, как начальница неуклюже усаживается в свою громадную, как вагон, машину. Сходила в кабинет, забрала кофейник с чашкой. Удивилась тому, что в кофейнике осталось еще на чашку кофе. Вылила себе остатки, уселась на край своего стола и, беспечно болтая ножкой, набрала номер своего маникюрного салона.

– Сонечка, ну какие проблемы? – притворно обиделась ее маникюрша. – Заезжайте сейчас. Я задержусь ненадолго. Вы же мой постоянный клиент!

– Отлично, бегу!

Она отключила компьютер, прибрала на столе. За шкафом вымыла в крохотной раковине чашку и кофейник, убрала посуду на полку в шкафу. Накинула легкую курточку, переобула туфельки, взяла сумочку, погасила свет в приемной и пошла на улицу.

На стоянке осталось только две машины. Ее и охранника дяди Володи. Тот от скуки пошел ее проводить, без конца рассказывая про новорожденную внучку. Соня вежливо улыбалась, время от времени поддакивая, хотя дядя Володя заболтал ее до тошноты.

– Всего доброго, – простилась с ним она, прыгнула в свою малолитражку и тут же стартанула, боясь, что ее стошнит прямо на лаковые носы туфель дяди Володи.

Сонечка, невзирая на сентябрьскую прохладу, пониже опустила стекло, надеясь, что свежий воздух и приятные мысли о Саше Горячеве отвлекут ее от новорожденной внучки дяди Володи, избавят ее от раздражения и тошноты, которая не хотела отпустить.

– Чертовщина какая-то... – пробормотала Сонечка, дотянувшись до бутылки с минеральной водой на заднем сиденье, сделала пару глубоких глотков.

Она ловко втиснулась между громадным джипом и «Маздой» синего цвета на стоянке перед салоном. Выбралась на улицу, поражаясь тому, какими вялыми кажутся ноги. Взяла сумочку, заперла машину и пошла к ступенькам.

Внутри посетителей было немало, но ее маникюрша уже ждала.

– Сонечка, проходите, пожалуйста, – та приветливо улыбнулась и замахала руками. – Курточку не снимайте, разденетесь у меня.

Но Соня все равно стащила курточку: ей показалось, что в салоне очень жарко. Осторожно переступая через чужие, вытянутые в проходе, ноги, она прошла к маникюрше, отдала ей курточку, сумку, села на привычное место и тут же запросила воды.

– Что-то мне душно, – жалко улыбнулась она и чуть прикрыла глаза.

Маникюрша показала ей громадным чудовищем с дико вытаращенными глазами и неестественно вытянутым лицом.

– Соня, Сонечка, – тронула ее за плечо через пару минут девушка – она протягивала ей пластиковый стаканчик с ледяной водой. – Вам нехорошо? Соня! Господи, да что же это?! Соня! Да ответьте же!

Соня сидела со сгорбленной спиной, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки, и не отвечала. Девушка осторожно толкнула ее раз, другой, тело Сони лишь слабо качнулось, голова съехала с рук, и Соня со стуком ударилась лбом о стол.

– Напилась она, что ли?! – возмущенно прошипела маникюрша и бросилась бегом к начальнице.

Они вместе быстро вернулись и принялись уже вдвоем расталкивать бедную Соню, так нелепо отключившуюся прямо за маникюрным столом. Первой опомнилась начальница. Она подняла вверх руку, останавливая маникюршу. Просунула два пальца под Сонин подбородок и с силой прижала их к ее шее.

– Она мертва! – прошипела она, поворачиваясь к застывшей позади нее девушке. – Вызывай полицию, не стой столбом! Только тихо, без шума и истерик! Поняла меня?!

– Ага! Щас...

Маникюршу чуть потряхивало. Она не могла поверить, что Сонечка, еще минуту назад просившая воды, вдруг умерла! И где?! Прямо за ее рабочим столом! Как же она теперь сможет тут работать?! Как сможет замачивать в чашке чьи-то пальчики, зная, что на этом месте умер человек? И хороший человек-то, не гадкий! Что же это такое делается, господи?!

– Ты все еще здесь?! – Начальница приблизила к остолбеневшей девушке бледное лицо. – Дуй быстрее ко мне в кабинет и вызывай полицию!

– А может... может, лучше «Скорую»? – девушка всхлипнула, тут же зажимая рот ладонью, чтобы не заорать и не перепугать посетителей.

– Нет, «Скорую» они сами вызовут. Но она уже не понадобится. Чудится мне, Софью отравили. Видишь, пена вокруг рта? Она успела выпить твоей воды?

– Нет-нет, я пришла, а она уже вот так сидит.

– Это хорошо, что она воду не пила. И не говори, что она воды просила. Убери стакан! – приказала начальница. – И иди уже звонить!

Савельев еле доехал до дома, так ему сделалось худо. И тошнота, того гляди вырвет, но с этим он справился, тут же сунув под язык пару мятных леденцов. Не хватало еще изгадить обивку собственного автомобиля – он его пару месяцев назад как купил. И живот закрутило так, хоть в придорожные кусты садись. И перед глазами вдруг все начало плыть.

Хорошо, доехал – успел.

– Уф, слава богу! – выдохнул он, с благодарностью воздевая глаза к небу, вытаскивая ключ из замка зажигания. – Доехал...

Его квартира располагалась на втором этаже элитной трехэтажки почти в самом центре города. Большая квартира, светлая, красивая. Правда, пустая. Не в том смысле, что без мебели. А в том, что без обитателей.

Он был женат. Конечно, был. Ему же сорок пять, к этому возрасту любой мужчина имеет какое-никакое прошлое. И он его имел. Неудачный брак с истеричкой. Двое сыновей, не желающих идти с ним на контакт, но дико желающих трясти с него деньги. Были еще и девушки, посещавшие его дом после развода. Много было разных девушек. И красивых, и не очень. Он все Сонечку хотел к себе затащить – секретаршу этой стервы Соседовой. Но она очень стойко держала оборону. Все время делала вид, что не понимает его более чем откровенных намеков.

Ладно, Сонечка никуда от него не денется. Сейчас главное – добраться до квартиры и улечься поудобнее в кровать, поджав повыше коленки. Ему все время это помогало, когда случалось желудочное недомогание.

Вялыми руками Савельев взял с заднего сиденья кожаный пижонистый портфель, запер машину и осторожно двинулся к своему подъезду. Он шел так, будто боялся себя растряссти, будто боялся, что вот-вот оступится и упадет лицом в пыль и не встанет уже никогда, так ему было худо.

– Добрый вечер, Геннадий Степанович, – вежливо поздоровалась с ним молодуха с первого этажа, важно величавшая себя Гретой и утверждающая, что она немка.

На самом деле она была Галей и родилась в подмосковном селе, он специально узнавал. Важничала просто, напускала дыму, чтобы обзавестись приличным мужем, а попутно и состоянием. На него она точно имела виды. С чего тогда уже трижды напрашивалась к нему в гости и угощала его домашним печеньем? Имеет виды, точно имеет. Но Савельеву она не нрави-

лась, слишком сисястая, слишком мясистая. Нет, ему нравились такие девушки, как Сонечка – высокие, стройные, с маленькой тугой попкой и аккуратной грудкой с крохотными сосками. Вот если бы Сонечка...

– Геннадий Степанович, что с вами? – завизжал истошно где-то над его головой голос Греты-Гали. – Что с вами? «Скорую»! Вызовите срочно «Скорую»!

«Кого она об этом просит, интересно?.. – подумал он вяло, рассматривая пыльный асфальт, странным образом оказавшийся прямо у него перед глазами. – У нее же в руках был телефон, когда они поравнялись. Почему самой не позвонить? Зачем орать и призывать кого-то к действию, если все в твоих руках? Бестолковая глупая курица! И печенье ее не вкусное. И слишком много на ее костях мяса, слишком много. То ли дело Сонечка!»

– Геннадий Степанович?

Сонечка! Господи! Неужели?! Откуда она, интересно, здесь взялась – возле его дома?! Чудеса! Опустилась перед ним на коленки, смотрит жалостливо, гладит по лбу, зовет по имени. А потом вдруг наклонила свое милое личико, тронула своими губами мочку его уха и тихо прошептала:

– Нас отравили с вами, Геннадий Степанович. Как думаете, за что?..

Глава 3

– Иван Сергеевич, Валентина Сергеевна, я вас категорически приветствую.

Фальшивая улыбка Филонова вряд ли смогла бы кого-то обмануть. Супружескую пару Лопушиных тем более. Ясно как божий день, что этот юный проныра, как называла его Валечка, не захочет их выслушать. Постарается как можно быстрее выставить их вон и вопроса не решит. А вопрос стоял остро! Более чем: зима на носу, а у них не меняется отопление. Хотя заявление лежит уже полгода в папке этого юного хлыща – так его Валечка тоже называла.

– Что привело вас в мою скромную обитель? – Филонов обвел руками тесный, но богато отремонтированный и обставленный кабинет.

– Евгений Леонидович, вы же знаете, что у нас проблема с отоплением. – Валечка недовольно поджала жухлые губы, помолчала для порядка, потом продолжила: – Мы уже полгода назад написали заявление. А воз и ныне там!

– Заявление, заявление, пыф-пыф-пыф, – запыхтел Филонов, принявшись рыться в папке с заявлениями.

Было, конечно, было от них заявление. На бесплатный ремонт отопительной системы во всей (!) квартире. Но кто станет заниматься этим бесплатным ремонтом?! Кому это надо, если у него все сотрудники на сделышине. Станут ребята пахать на Лопушиных – заплатят по минималке. Это им надо? И ему не надо. У него тоже зарплата зависит от общей прибыли. Плюс левак. Взяли бы хоть по капле кинули ребятам и ему в том числе – давно бы уже с отоплением новым были. А так...

– Вот ваше заявление, – достал лист бумаги с самого низа папки Филонов.

– На дату посмотрите! – потребовала Валечка.

– Вижу дату. И что? – Все, его терпение заканчивалось.

– А то, что мы имеем право на бесплатный ремонт. Имеем! – вдруг тонко взвизгнула Лопушина. – Давно имеем. А уже полгода прошло! А вы не чешетесь!

– Чешется тот, кто не моется, – огрызнулся Филонов. И снова засунул бумагу под самый низ. – А я просто не могу оказать вам бесплатную услугу, и все.

– То есть вы нам отказываете??? – зашипела Валечка и ткнула кулаком в коленку молчаливо сидевшего мужа. – Ванечка, скажи ему!!!

– А что я могу ему сказать? – Тот лениво поднял и опустил покатые плечи, непотребно обросшие за последний год жиром. Поднял на Филонова ледяной взгляд: – Что он скот? Так он и сам об этом знает.

– Что-о-о? – Филонов поперхнулся. Его взгляд лихорадочно забегал по кабинету. Он срывался! Ему нельзя! Будут проблемы! Но, черт возьми, как же хотелось! Как же хотелось снова...

Будь у него сейчас ствол под рукой, он бы точно разрядил этому жирному козлу его в коленку. Будь у него сейчас воля и не будь в прошлом трех предупреждений от ментов и еще нескольких от братвы, он бы обхватил эту жирную дряблую шею руками и начал давить, давить, давить, пока этот старый козел не обмочился бы.

Но нельзя! Он теперь уважаемый человек. Начальник! Это статус, который ему следовало беречь. Иначе братва не поймет. Иначе зачем он тут сидит? Для того, чтобы влететь по-крупному, или для того, чтобы стеречь всякий старый и пьющий одинокий сброд, не имеющий наследников по жилью? Его сюда за этим определили, между прочим. С этой целью он тут и сидит. Ну и еще чтобы он не сел в другое место – уже за решетку.

– Скот ты, Женя, и еще какой скот, – продолжил говорить тихо и монотонно Лопушин Иван Сергеевич, не сводя с переносицы Филонова ледяного взгляда. – Я наводил о тебе справки. И знаю, что за знакомые у тебя есть. Знаю приблизительно, сколько денег тебе сто-

ило занять это место. И догадываюсь, зачем тебе это место. В тридцатом доме вот-вот старуха помрет, наследников нет, дед ее пьющий. Не удивлюсь, если дед отправится следом за ней, переписав свою квартирку на твоих друзей-бандитов. В двадцать седьмом доме-то схема сработала, так? Кому досталась трешка? Твоему корешу Степану Мазиле?!

Вот тут Филонов сам чуть не обмочился. Ему сделалось так страшно, так безумно страшно, что этот старый козел возьмет их и всех заложит, что он взмок.

– Ссышь, Женя? – тихим, вполне миролюбивым тоном спросил Лопушин и кивнул в подтверждение своего вопроса. – Ты, Женя, ссышь. И правильно, между прочим, делаешь. Но мы не в претензиях с супругой. Все, что нам надо, – это поменять отопление в квартире... Бесплатно.

– Хорошо, – кивнул Филонов через минуту, сглотнул судорожно и снова кивнул. – Завтра рабочие будут у вас. В девять утра. Будьте дома. Все на этом?

Супруги поднялись, шагнули к двери. Но тут Иван Сергеевич вдруг спохватился:

– Да, Женя, забыл сказать. Радиаторы должны быть алюминиевыми.

– Какие радиаторы?! Наша же только установка! И стояки! Вся разводка ваша! – немного повысил голос Филонов, решив, что старый козел окончательно оборзел и его надо, надо приструнить, даже с учетом страха и его угроз.

– Алюминиевыми должны быть радиаторы, Женя, – утробно хохотнул Лопушин. – И... Степке Мазиле привет большущий. Идем, Валечка.

Он взял супругу за руку и вывел из кабинета. Но прежде чем окончательно скрыться в коридоре, вдруг похвалил:

– А вот за то, что подъезд моется каждый день, за то спасибо. Хоть на уборщицах не экономите, за то спасибо...

Они ушли.

Филонов еще пару минут сидел в оцепенении, а потом принялся швырять в дверь все, что попадалось ему под руку. Папки, авторучки, карандаши, степлеры, дырокол, пачку бумаги. Остановился, когда в руках оказался мобильник. И то не швырнул его потому, что он вдруг зазвонил.

– Да! – заорал он, нажав на кнопку.

– Чего орешь-то? – поинтересовался Степка Мазила.

– Ничего, – сбавил сразу обороты Филонов. – Вывели тут...

– Что хотят? Налоговая?

– Если бы! Пришли тут божьи одуванчики ко мне, семейная парочка, блин... – Филонов минут пять ругался матом. – Просят отопление бесплатно им поменять. Я – в отказ, не положено у нас по уставу.

– И че? – Степка слушал без особого интереса. – Послал бы.

– Так послал.

– И че?

– А то! Дед как начал мне тут говорить и про тридцатый дом, и про двадцать седьмой, и... и про тебя, Степа.

Мазила минуту молчал, потом вкрадчиво так спрашивает:

– Ты че, паскуда, где спьяну разболтал?!

– Офигел, что ли? Я не самоубийца!

– Так откуда эта старая тварь обо всем знает?! Откуда на эту старую тварь снизошло прозрение, Жэка?!

– А я знаю! Где-то засветились. Бабки во дворе, может, трепались. Бабки, они ведь все знают.

– Н-да... – Степа молчал недолго и попросил вдруг: – Ты мне адресок-то ихний, этого козла, шепни, Жэка.

– Это еще зачем?! – Филонов обеспокоился.

– Так, для порядка. Узнаю, что за божьи одуванчики там справки о нас наводят. Может, и они в нашу схему пристроятся? – И, заржав по-жеребьячи, Степа отключился.

Филонов просидел еще какое-то время без движения, мысленно сочиняя историю оставшейся жизни Лопушиных по Степкиному раскладу. История выходила криминальная. Это печалило. Потом со вздохом все же он признал, что другого выхода у них просто-напросто нет. Эти Лопушины облаглют просто со временем и станут шантажировать их без конца. Вишь, уже и радиаторы им за свой счет покупай! Это уже сверх наглости. Это уже он никак не спишет.

Он достал из стола пузырек корвалола и принялся интенсивно им трясти над крохотным стаканчиком...

– Ты идиот! – зашипела на мужа Валечка, стоило им выбраться на улицу из душного жэковского коридора. – Ты просто идиот, Ванечка!

– В смысле?

Потяжелевший за последний год Иван Сергеевич медленно повернулся в ее сторону всем телом. Смерил супругу – тоже не молодеющую – с головы до ног неприязненным взглядом. Особое внимание уделил ее ногам с выпирающими во все стороны вздувшимися венами. Долго смотрел, пристально, заведомо зная, как страдает она от отвратительного вида своих икр.

Валентина взгляд уловила, все поняла, вспыхнула до корней седых волос.

– Сволота! Гнида! – принялась она шептать ругательства, тем не менее все же продолжая удерживать своего мужа за руку, когда шла с ним от ЖЭКа в сторону дома. – Как же я тебя ненавижу!

– Я тебя тоже, – коротко кивнул он, не отнимая своей руки у нее.

– Когда же ты сдохнешь наконец? Когда? Ненавижу тебя, гнида мерзкая!

– Я тоже, – снова повторил он, улыбнувшись одними губами ее раскрасневшемуся гневному лицу. – Я тоже дико ненавижу тебя, Валечка. И тоже жду твоей смерти. А ты? Ты когда сдохнешь, Валечка?

Какое-то время они шли рука об руку молча, не замечая никого и ничего вокруг. Потом одновременно вкинули головы на молодую уборщицу, выпархивающую из их подъезда с мусорным пакетом в руках. Улыбнулись ей синхронно.

– Уже уходите? – вежливо поинтересовался Ванечка.

– Нет, еще вымыть надо, – кротко ответила женщина. – Пока только мусор собрала. Очень мусорно, очень.

И ушла к контейнерам.

– Мусорно... – задумчиво повторил Ванечка, глядя ей вслед. – Где-то когда-то я уже это слышал.

– Мусорно! – фыркнула супруга. – Так вчерашняя корова этот мусор только по углам лестничных клеток разогнала, и все. Она и убирать-то не убирает. Вот и мусорно. Бардак! Полный бардак у этого Филонова! Кстати...

Они как раз вошли в подъезд. Тяжелая металлическая дверь за ними мягко шлепнулась о притолоку, щелкнул кодовый замок. Их никто не слышал и не видел, можно было не держаться за руки, не улыбаться и не таиться теперь.

– Кстати, Ванечка, – развернулась к мужу всем телом Валентина. – Ты за каким чертом потребовал радиаторы? У нас же с тобой все куплено! Зачем?!

– Пусть свои ставят. А эти я продам. – Иван медленно пошел к лифту.

– А за какой счет они тебе их поставят? За чей счет-то есть? Ты что, ветеран?!

– Ветеран, может, и что?

– Ух ты! – Она протиснулась мимо него в кабину лифта, уставила на него мелкие злые глазенки. – Ветеран чего, можно полюбопытствовать?

Двери лифта с легким шипением замкнулись. Иван повернулся к жене, процедил сквозь зубы:

– Ветеран, потому что слишком долго тебя терплю. Я ветеран твоей подлости! – закончил Иван со злостью и, вытянув руку, сцепил пальцы на ее шее: – Удавить бы тебя, гниду. Просто взять и удавить.

– Попробуй, – прохрипела она, задержалась, завоzilась, царапая ему предплечье, пытаюсь вырваться. – Только попробуй, и бумаги обо всех твоих подвигах сразу лягут на стол ментам!

Рука Ивана упала, повиснув плетью вдоль тела. Он отвернулся от жены, уставившись невидящими глазами в расписанную граффити стену лифта.

Они ненавидели друг друга уже давно. С тех самых пор, как закончили с бизнесом, считавшимся семейным. Сразу исчезли хорошие деньги, остались просто деньги. Потом и их не стало, остались гроши. Пенсионные гроши, на которые едва можно было сводить концы с концами, если бы...

Если бы не их запасы, которые они тщательно скрывали друг от друга, они бы давно влачили жалкое существование. А так складывались из месяца в месяц, тщательно следили за расходами, отчитывались друг перед другом с демонстрацией кассовых чеков.

Иван, конечно, подозревал, что супруга накопила финансов куда больше него, так как ему приходилось возить ее на отдых, платить за наряды, украшения. И за это он ее ненавидел.

Валентина подозревала, что она в сравнении с мужем нищая. Он распоряжался всеми средствами, когда бизнес велся на широкую ногу. Он принимал конверты с деньгами. Кто и сколько туда вкладывал, знал только он. И, конечно, накопил куда больше нее. И за это она его тоже ненавидела люто.

– Ладно, ладно, Валечка, – миролюбиво произнес Иван – упоминание о тайных каких-то бумагах всегда вгоняло его в ужас. – Не кипятись. Понервничали, и будет.

– Это ты снова во всем виноват! – надула она вялые синюшные губы. – И так много лишнего сболтнул этому Филонову, и еще обнаглел окончательно с этими радиаторами. Как он тебе их установит?

– Как-нибудь, – неуверенно произнес он и замолчал. Лифт подъезжал к их этажу. На площадке могли быть люди. – Как-нибудь спишет потом.

– Это нас с тобой спишут, дурак! – успела произнести Валечка, прежде чем двери лифта распахнулись.

Из кабины они выбрались сердитыми, надутыми, с невыплеснувшейся злобой. И тут красной тряпкой для них замаячила спина соседа возле мусоропровода. Старик, как всегда, наронял мусора на пол. Уронил скомканную пачку из-под сметаны, пару грязных салфеток, целлофан с какой-то упаковки. И вместо того чтобы собрать все это с чистого, только что вымытого пола, он стоял и растерянно тарасился.

– Чего стоишь смотришь, старый пень?! – заорала тут же на него Валечка и ткнула в бок локтем мужа: – Смотри, Ваня, смотри! А мы все думаем, кто же это гадит и гадит возле мусоропровода?! Кто же та свинья, что гадит и гадит?!

Ванечка протянул обе руки, уложил их на старые плечи соседа и с силой придавил, пытаясь заставить нагнуться старика. Тот не поддавался. Настырно стоял, выпрямившись.

– Нагибайся, старая сволочь! Нагибайся! – пыхтел Лопушин, усиливая натиск. – Или заставлю тебя все это сожрать! Будешь жрать сейчас весь этот хлам с пола, слышишь?! Ну!

Колени старика согнулись и с грохотом опустились на бетонный пол. Старик застонал.

– Ну! Чего воеешь? Подбирай, гадина! – громко шипела ему на ухо Лопушина, поддевая туфлей мусор старику на коленки. – Подбирай, а то и правда жрать станешь!

Старые морщинистые руки в артритных пятнах сильно тряслись, когда старик подбирал пачку из-под сметаны, грязные салфетки и скомканную упаковку с коленок. Он справился. Он все подобрал, выбросил. Мерзкие люди, напавшие на него сзади, отошли. Отстали. Через

минуту шелкнул замок их двери. Они скрылись у себя. А он просидел еще, не помнит сколько, на коленках перед распахнутым зловонным зевом мусоропровода. Может, и умер бы там от боли и унижения. И не поднялся бы никогда. Но спасла молодая женщина, что стала с некоторых пор убирать в их подъезде.

– Не надо так переживать, – попросила она тихо. – Давайте я вам помогу.

Она помогла ему подняться, проводила его до двери.

– Вы не обращайтесь на них внимания, – уборщица кивнула на дверь напротив. – Они плохие люди. Не обращайтесь внимания. Берегите себя...

Она помогла ему переступить порог, захлопнула дверь, вскоре он услышал, как чавкает мокрая тряпка по полу возле его двери. Она снова начала убираться. «Чистоплотная девочка», – похвалил он ее про себя. Тут же вспомнил о другой девочке и трясущейся рукой набрал ее номер.

– Дед, ты чего? – переполошилась Саша. – Случилось чего?

– Случилось, – обронил он упавшим до шепота голосом.

– Что?! Сердце, давление, что?!

– Опять эти... эти сволочи... Я уронил немного мусора на пол, только собрался поднять, и тут они, – начал он жаловаться, не замечая, как обильно текут слезы по его морщинистым щекам. – Я еле сдержался. Еле сдержался, Сашок. Если бы не эта девочка, я бы точно разрядил в них всю обойму, Сашок!

– Дед! – прикрикнула на него Саша. – Еще раз такое услышу, заберу твой наградной пистолет, и ты его больше никогда не увидишь. А на этих сволочей надо написать заявление.

– Писал! Никто не обращает внимания на мои жалобы. Никто. Даже ты, – укорил он ее. – А эта вот девочка...

– Что за девочка-то еще? – устало поинтересовалась Саша.

Эпопея с соседями деда длилась не первый месяц. Дед на них без конца жаловался, хотя и не мог привести ни единого доказательства. Саша сама пыталась с ними поговорить. Поговорила. Поговорила и расстроилась. Оказалось, милые люди. Пригласили к себе, напоили чаем, разговорились. Засиделись допоздна. Рассказала все деду, тот пришел в ярость:

– Ты! Ты мне не веришь?! – кричал он на Сашу. – Ты поверила этим проходимцам, а мне не веришь?! Все, больше не стану тебе никогда жаловаться, раз ты так!..

И не жаловался больше ни разу, хотя война с соседями не прекращалась. Саша об этом точно знала. Соседи докладывали.

– Девочка? – переспросил дед. – Так уборщица из подъезда.

– Люся? – удивилась Саша – той «девочке» было прилично за пятьдесят.

– Да нет, другая. Они у нас тут теперь каждый день убирают. Смены через день.

– А-а, понятно. – Саша помолчала, потом последовал заискивающий вопрос: – Дед, ну ты ведь не станешь ничего такого делать, нет?

– Что именно? – отозвался дед сердито.

– Ну, оружием брехать, я имею в виду?

– Не буду, – буркнул он через паузу. – Я из ума не выжил еще. Вот бабка бы твоя покойная точно бы их пристрелила. Она бы терпеть не стала этих проходимцев... Что решила с работой?

– Пока ничего. У меня еще две недели, дед. А это четырнадцать дней. Думать есть когда.

– Думать она собралась! – фыркнул дед сердито. – Уходить оттуда надо, Саша. И не просто уходить, а драпать, рвать когти, срывать, как это принято сейчас у вас говорить. Плохо там как-то, нечисто. Это я тебе как кадровый военный говорю. Я тухляк за версту чую. Добром там не кончится, поверь. Добром не кончится...

Глава 4

– Что это за название-то такое, Сергей, не знаешь? Что это за выверт такой – «АллЮС»? – Генерал глянул на Данилова поверх тонкой оправы очков, неодобрительно ткнул пальцем в сводку происшествий. – Чем она занимается? Фирма эта?

– «АллЮС» – аббревиатура Аллы Юрьевны Соседовой, – объяснил Данилов. Он с раннего утра уже навел справки, заранее зная, что совещаться будут как раз на эту тему. – Занимаются серьезными делами. Недавно получили заказ от оборонки.

– Опа! – Генерал стащил с носа очки, аккуратно сложил дужки. – Что-то с оружием связано?

– Да нет. Нет, конечно. Форма, форма для военнослужащих.

– Слава богу! – выдохнул генерал с облегчением и снова надел очки. – Но тоже, знаешь, серьезная тема.

– Так точно! – поддакнул Данилов. – Более чем! Это огромные деньги!

– И конкуренция, – поднял вверх палец генерал.

– Так точно.

Данилов уже знал, что конкурентами фирмы Соседовой являлись две фирмы, которые не выиграли тендер. Одна была так себе, а вот хозяин второй, по слухам, на заднице шкуру драл, когда Соседова его обскакала.

– Так что конкуренты – первые подозреваемые. Но это еще не значит, что... – Генерал обвел присутствующих взглядом, в котором читались усталость и раздражение. – Что отравление не могло произойти на бытовой почве. Все, ступайте, работайте. К вечеру жду рабочие версии от вас, ребята. Все. Данилов, останься.

Данилов этого ждал с тяжелым сердцем. Сейчас генерал назначит его старшим в расследовании. И плакал его отпуск в бархатный сезон. Он же ничего такого не хотел, ничего такого не планировал. Не было в его мыслях ни авиаперелета, ни шикарного пятизвездочного отеля, ни загорелых девчонок на пляже с бокалами «Маргариты». Ни о чем таком даже не мечтал. Просто хотел смотаться к тетке на Азовское море. Выспаться, помочь ей по хозяйству, порыбачить, пивка попить. Все достаточно прозаично. Прозаичными были его мечтания. И вполне осуществимыми, если бы не массовый падеж в этой долбаной фирме, чья хозяйка сегодня с утра звонила и с трагическим надрывом в жестком голосе требовала разобраться, поскольку в местном райотделе одни дураки, с ее слов, работали.

– Да присядь ты уже, Данилов, – сморщился недовольно генерал, махнув в сторону опустевших стульев. – Чего столбом торчишь? Чего вздыхаешь?

– Никак нет, товарищ генерал.

– Никак нет! Так точно! – фыркнул Губин с неудовольствием. – Не на плацу, расслабься. Знаю, знаю, что в отпуск собирался. Вижу, что понимаешь, что срывается.

– Товарищ генерал! – взвыл Данилов. – Два года уже не могу к тетке съездить! Старая она, помрет без меня.

– Данилов, ты чего кровь-то из меня пьешь?! – возмутился Губин, откидываясь сутулой спиной на спинку кресла. – Я, что ли, все это затеял?! Кого я поставлю, кроме тебя?! Вот кого? А-а, молчишь? Сам понимаешь, что некого! Была бы эта Соседова кондитершей или сетью ресторанов заведовала, я бы еще подумал. А тут что? А тут оборонзаказ! И не успела она его получить, как сразу два трупа среди сотрудников. Это о чем говорит?! Это говорит о том, что дело весьма и весьма серьезное, Данилов! И будет на контроле у кого? Правильно! На самом-самом верху. Так что, Сережа, ты не дуйся, ступай. Да и... сам понимаешь, чем быстрее ты все это разгребешь, чем быстрее найдешь отравителя, тем быстрее уйдешь в отпуск. Все, Данилов, свободен!

Свободен! Если бы!

Данилов вошел в свой кабинет и с такой силой лягнул свое рабочее кресло, что оно отлетело в угол и, шарахнувшись о стену, жалобно хрустнуло.

Помощник за соседним столом испуганно притих и через мгновение отключил мобильник: он по нему с кем-то очень оживленно трепался, когда Данилов вошел.

– Что? – спросил он. – Все так плохо?

– А что хорошего? Мне надлежит возглавить расследование. Стало быть...

– Не будет отпуска?

Игорек Мишин, хороший парень и отличный товарищ, бессовестным эгоистичным образом порадовался. Работать без Данилова он не любил. И подчиняться никому, кроме него, не любил тоже. Потому что Данилов Сергей Игнатьевич, тридцати пяти лет от роду, недавно получивший подполковника, был настоящим мужиком, чрезвычайно порядочным человеком и классным специалистом своего дела. Он видел нечто там, где никто ничего увидеть не мог. И вопросы умел задавать самые нужные людям, невзирая на то, свидетель это или преступник. И ответы получал самые те – правильные.

– Чего скалишься, гад? – Данилов упал в свое кресло, которое загнал в угол. Глянул тяжело на помощника: – Радуетесь?

– Радуюсь, Сергей Игнатьевич, – не стал врать Игорек и улыбнулся виновато: – Извините, конечно, но без вас тут точно будет труба!

– Не лсти, не люблю. – Данилов вытянул ноги. Скрестил руки на груди, прикрыл глаза. – Я уже тетке обещал. Теперь плакать будет. Сердце мне рвать. Тяжело...

– А может, мы быстро все это дело раскроем, Сергей Игнатьевич? Может, оно никакого отношения не имеет к фирме? Может, это частное дело этого зама и секретарши? Может, у них роман?

– Ага... Только почему-то зам помер во дворе собственного дома, а секретарша – в маникюрном салоне. Предположить, что они где-то встретились после того, как вышли из фирмы, не имеем возможности.

– Почему?... – разочарованно протянул Игорек.

– Слишком мало времени прошло, слишком. Не успели бы эти двое нигде пересечься. Каждый поехал своим маршрутом. Зам уехал раньше. Секретаршу провожал до шлагбаума охранник, и он отметил, что Софья, так, кажется, ее звали, была чрезвычайно бледна и без конца сглатывала. Так, как если бы ее тошнило. Поехала она напрямик в салон. От фирмы до салона без пробок минут десять-пятнадцать езды, она доехала за двенадцать. Время зафиксировано камерой на фирме и камерой наружного наблюдения салона красоты. То есть секретарша никуда не сворачивала, никуда не заезжала и нигде не останавливалась. В бутылке с водой, что осталась в ее машине, яда не обнаружено. Значит, отравилась она в офисе. И зам Соседовой, как там бишь его... – Данилов лениво пощелкал пальцами, призывая помощника к действию.

– Савельев, – подсказал тот.

– Савельев... Савельев Геннадий Степанович... Тоже после совещания сразу поехал домой. Движение его автомобиля было зафиксировано тремя камерами по пути его следования. Судя по времени, он тоже нигде не останавливался и никуда не сворачивал. Стало быть?

Данилов приоткрыл глаза, глянул на Игорька.

– Стало быть, и он отравился в офисе.

– Да. Обе жертвы были отравлены в офисе. Теперь нам с тобой надо подумать, как именно?

Вытянутые ноги Данилова вдруг приподнялись от пола и пристроились на край стола. Так он считал, ему легче думалось.

– Но, Сергей Игнатьевич, как мы тут с вами подумаем? Надо на место выезжать. – Игорек почесал белобрысую макушку. – Там уже осмотреться, народ разговорить.

– Эх, Игорек, Игорек, – вздохнул с печалью Данилов.

У него перед глазами вдруг промелькнула песчаная коса, облизываемая темной морской водой, теткино морщинистое загорелое лицо под козырьком бейсболки. Та никаких платков и панамок не признавала. Ее натруженные руки, перебирающие жирную рыбу в плетеной кошелке. Таганок над костром, на нем прокопченная временем сковородка с шипящим маслом. Толстые кольца лука, крупные кусочки чеснока поверх жарившейся в мучной панировке рыбы. И никого вокруг. Ни единого человека на пляже. Тишина...

– Что, Сергей Игнатьевич? – Игорек вытянул шею.

– У нас с тобой столько материала! Надо подумать хорошо, прежде чем выезжать на место. На месте ты уже должен быть подготовлен, дружище. На месте ты уже должен знать, с кого и что спросить. Итак, Игорек, что могли съесть или выпить заместитель Соседовой и секретарша? Вариант первый с тебя.

Данилов уставился на помощника. Тот сразу затосковал. Задрал голову к потолку, подпер подбородок кулаком. Ни единой мысли. Ни единой стоящей мысли в его голове не было. А хоть бы и появилась, Игорек точно знал, Данилов ее отвергнет. Поэтому, не особенно напрягаясь, проговорил:

– Они могли, уединившись, распить бутылочку шампанского на двоих. Как вам такой вариант, а?

– Да никак. Не могли, – Данилов качнул коротко стриженной головой. – Софья была исполнительным работником. Рабочее место покидала только в случае крайней необходимости. Так о ней говорит Соседова. Кабинет заместителя располагался вообще на другом этаже, а не напротив – дверь в дверь с руководителем. Так что, если бы она решила с ним уединиться за бутылкой шампанского, ей пришлось бы покинуть свое рабочее место минимум на полчаса. Отпадает. Еще варианты?

– Их могли угостить чем-то. Кто-то принес в приемную конфеты, или торт, или... бутылку шампанского.

– Отпадает шампанское, – с легким раздражением возразил Данилов. – Софья не пила на рабочем месте. По слухам, она вообще не пила. К тому же оба были за рулем. Игорек, ты чего?

– Тогда остаются конфеты и торт, – надул губы помощник.

– Ладно, принимаю. Хотя никаких коробок в приемной не нашли. В его кабинете тоже. Еще варианты? – Данилов глянул на помощника пронзительным взглядом, способным растопить глыбу льда, но оказавшимся бесполезным, когда надо было простимулировать помощника.

– Больше вариантов нет, – сконфузился Игорек Мишин. – А у вас, Сергей Игнатьевич?

– У меня... У меня есть подозрение, что эти двое могли что-то выпить или съесть из того, что им совсем не предназначалось, – проговорил Данилов, пристально рассматривая носы своих ботинок, будто считывал там информацию, проплывающую бегущей строкой. – Вот подумай сам, Игорек, кому были интересны эти двое? Ладно Савельев, он все-таки заместитель. Но секретарша... – Губы Данилова пренебрежительно дернулись. – Зачем она кому-то? Каков мотив? Личная месть? Чем она могла кому-то насолить? Ты пишешь?

– Что писать? – вздрогнул Игорек.

– Вопросы, Игорек! Вопросы, которые нас должны интересовать при общении с сотрудниками фирмы! – Данилов повысил голос, поражаясь бестолковости помощника.

– А что конкретно писать? – стушевался тот окончательно.

– Первое: были ли враги у секретарши Софьи. – Данилов закатил глаза и еле сдержался, чтобы не накричать на помощника.

– А про Савельева тоже писать?

– Думаю, отравился он чем-то в приемной, Игорек. Поскольку Софья к нему в тот день не спускалась, а они все прибыли ближе к концу дня на совещание с Соседовой, и, по сведениям, Савельев прибыл в приемную первым. Думаю, Софья его чем-то угощала. Стало быть, отравленный продукт был у нее. Вопрос: кто и чем ее угостил? Кто тот человек, который стремился от нее избавиться? Почему? Это надо будет выяснить в первую очередь.

– А во вторую? – Игорек быстро писал в новеньком ежедневнике, от усердия высунув кончик языка и сильно напоминая тем самым старательного школьника.

– Во вторую – надо будет узнать, кто прибыл в приемную вторым. Этот человек мог угостить их обоих. Вот так-то... – Данилов резво скинул ноги с края стола, встал, потянулся с хрустом. – Давай, выдвигаемся. Едем разговаривать с народом.

Народ оказался при деле. Отвлекать их от рабочего процесса, особенно напряженного в эти дни, Соседова, мягко говоря, запретила.

– У меня и так все трещит по швам! – без конца терла она некрасивыми пальцами переносицу и опухшие от слез глаза. – Заказ такой значимости не каждый год перепадает. А тут такое... Поговорите со мной, господа. А с сотрудниками либо в обеденный перерыв, либо после работы. Идет?

Игорек неуверенно улыбался. Данилов прятал злые глаза. По ее мнению выходило, что у них двадцатичетырехчасовой рабочий день, так? И они должны задавать свои вопросы тогда, когда будет угодно ей?

– Нет, не идет, – отрезал он жестко. – Мы и так пошли вам навстречу, прибыв сюда. Могли бы повесткой всех вызвать.

– Всех?! – ужаснулась она.

– Почему нет? – ядовито ухмыльнулся Данилов. – У нас на руках два трупа. Смерть их наступила в результате отравления. Оба работали у вас. Оба, предположительно, были отравлены в офисе. Пользуясь полномочиями, могли бы запросто через одного закрыть по подозрению.

– Ужас! – округлила Соседова заплывшие веками глаза. – Ужас! Вы и правда считаете, что их отравили здесь?!

– Да.

– Ну... Тогда как вам будет угодно. – Она скрестила руки на мощной грудной клетке, на которой грудь едва угадывалась, глянула с вызовом: – Начинайте тогда с меня.

– Итак, Алла Юрьевна, вопрос первый: что за человек была ваша секретарша? С кем общалась? С кем встречалась? Ее родственники далеко, подруг пока не выявлено. Соседи ничего толком о ней сказать не могут. Получается, что вы единственный человек, с которым она проводила почти все свое время. Что можете сказать по существу вопроса?

– Соня, Софья, Сонечка... – Соседова стремительно глянула на дверь кабинета, за которой начиналась приемная, теперь пустующая. – Хорошая девочка, исполнительная. У меня к ней претензий не было.

Она надолго замолчала, вспоминая свое раздражение, когда Сонечка особенно прекрасно выглядела и казалась кроткой и исполнительной. Ей так выглядеть никогда не удавалось и кроткой быть – тоже.

– У нее был молодой человек?

– В смысле, парень? Мужчина?

– В этом смысле, да.

– Я не знаю. – Соседова удивленно подергала плечами: – Как-то даже и не интересовалась.

– К ней кто-нибудь приходил, звонил ей, встречал, провожал? – Данилова начало раздражать неведение директрисы. – Что, даже женскими секретами с вами не делилась никогда?

– Нет, у нас не принято было. – Она жестко поджала губы. – Только работа. Ничего личного.

– Значит, молодого человека вы не знаете?

– Нет.

– А подружки? Подружки были?

– Не знаю. Она общалась со всеми и ни с кем особенно, – констатировала, к собственному удивлению, Соседова. – Пожалуй, чаще других в приемную заглядывала Нонна Васильевна Голубева. Из отдела маркетинга. Поговорите с ней.

– Непременно, – Данилов записал. – Так, теперь давайте вспомним с вами, Алла Юрьевна, вечер, предшествующий трагедии. Вы собрали сотрудников на внеплановое, насколько мне известно, совещание. Так?

– Так.

– Что за повестка дня была?

– Повестка?

Соседова прикусила нижнюю губу, стремительно соображая, насколько правдивой должен быть ее ответ. Потом поняла, что ее все равно сдадут, хитри они не хитри, и проговорила:

– На повестке дня стоял один-единственный вопрос: кто та крыса, что завелась в нашей конторе? Кто сливает наши секреты конкурентам? Кто вредит?!

Опа! Вот это поворот! А почему не было об этом ни словечка в записях предварительного опроса? Никто не обмолвился ни словом. Игорек округлил глаза, мгновенно обнажая удивление. Данилов лишь ободряюще кивнул, призывая ее к продолжению.

– Мы получили заказ, вы слышали, да? – Она дождалась двойного утвердительного кивка. – Планировалось слияние с одной из крупнейших фирм, в общем, мы были на рубеже великих перемен. Приятных перемен, как вдруг прошла информация от представителей фирмы, с которой у нас планировалось слияние, что у нас утечка информации. Причем настолько важной, что... что я остолбенела просто. Сначала не поверила. Люди у нас не по одному году работают, все проверенные. А тут такое... Где-то около месяца назад, по договоренности с нашей службой безопасности, мы запустили «утку».

– Решили ловить на живца?

– Совершенно верно. Якобы секретную информацию оставили в компьютере, направив на него несколько скрытых камер слежения. А я и начальник СБ замерли у мониторов. Операция была засекречена.

– Кто знал о ней?

– Я и начальник СБ. Все! Больше посвященных не было.

– Информацию, так я понимаю, скачали?

– Да, совершенно верно. Мы могли наблюдать за этим из кабинета начальника службы безопасности.

– Кто же это сделал?

– Кто?.. Вот этот вопрос остается открытым до сих пор. – Соседова горько ухмыльнулась: – Мы могли наблюдать за тем, что творится в компьютере-ловушке, но не могли наблюдать за тем, кто это делает.

– Как так?

– Кто-то разом вывел из строя все камеры слежения, включая те, за трансляцией с которых мы наблюдали.

– Но вы могли туда просто войти и...

– Вошли, – перебила его Соседова с неприятной улыбкой. – А в кабинете никого. Но информацию-то скачали! Тогда мы приняли единственно верное решение.

– Вы перекрыли входы и выходы и начали обыск? – присвистнул Данилов.

– Совершенно верно, – Соседова впервые с одобрением глянула на молодого смуглого парня, сидевшего перед ней слишком вальяжно, можно даже сказать, развязно. – Мы перекрыли все выходы и начали обыск.

– Нашли?

– Да, нашли. – Она недовольно сморщилась и махнула рукой: – Нашли диск с той самой информацией, что украли. В сумочке у Саши Воронцовой!

Соседова фыркнула и недоверчиво покачала головой. Неряшливая прическа пришла в движение, прикрывая ее полное лицо сальными прядями.

– Знаете, я ни тогда не поверила, не верю и сейчас, что она причастна.

– Так безупречна эта Воронцова?

– Не в безупречности дело, а в моем чутье! – Ее узловатый палец ткнул себя в левую сторону груди. – Тут вот у меня чуйка, понимаете! Не могла она. Да и незачем ей.

– А деньги? За информацию, как правило, платят. И хорошие деньги! Это мотив, да еще какой!

– Она не бедствует. У нее дед – кадровый военный с шикарной пенсией. Бабка оставила ей наследство. Что-то осталось от родителей. Воронцова купила себе квартиру несколько лет назад. Машина у нее есть, наряды, семьи нет, детей нет. Да незачем ей! Мы ее проверяли.

Данилов написал крупно: «Воронцова». И поставил знак вопроса.

– Где она теперь? – спросил он, запахивая блокнотик.

– Дома.

– Вы ее уволили?

– Нет, пока отправила в отпуск.

– Гм, стало быть, поверили ей?

– Я никому не верю! – презрительно фыркнула Соседова, брызнув слюной на полированный стол, не заваленный сегодня бумагами, и уточнила: – Кроме самой себя! Очевидно было, что Воронцову подставили. К тому же, после того как я ее отправила в отпуск, случилась еще одна утечка информации.

– Тоже «утка»?

– Да нет, знаете ли. Более чем серьезная информация.

– Кто имел к ней доступ?

– О господи! Да немногие! – Она закатила глаза, сделавшись похожа на покойницу. – Главбух, начфин. Покойный Савельев, н-да...

– А ваша секретарша?

– Что – моя секретарша? – Соседова выгнула мощную спину, насколько это вообще было возможно при ее размерах. – Если хотите, она знала чуть меньше меня! Но ни разу, слышите? Ни разу не была уличена в чем-то! Она была честным, хорошим человеком, н-да...

Данилов снова распахнул блокнотик и сделал запись: «Савельев, Софья – носители информации». И поставил еще один знак вопроса. Тут же нахлынула такая тоска, что его едва не вывернуло.

Какой теперь, к чертям, отпуск на Азовском море?! Какая рыбалка?! Барахтаться теперь ему в этих чертовых секретах, как мухе в варенье.

– Итак, – встрепнулся он. – Вы остро поставили вопрос на совещании о шпионаже. И?

– Более того. – Соседова хитро подмигнула и рассказала, как разыграла всех, демонстрируя черную кожаную папку с якобы имеющейся в ней информацией на предателя.

– Видели бы вы их! – с восторгом закончила она. – От их суеты и подобострастия меня аж замутило!

Они еще с полчаса поговорили с ней, уточнили детали, имена сотрудников, расписание. Потом пообещали, что еще не раз встретятся, и пошли с опросом по отделам.

Данилова порадовала Голубева Нонна Васильевна, оказавшаяся веселой, молодой и беспечной. Она трещала без умолку, рассказывая даже о том, о чем ее не спрашивали. Она-то и поведала, что Соня ни с кем не встречалась, а безнадежно сохла по Сашке Горячеву, который, в свою очередь, собирался жениться на Воронцовой.

– Но после этой истории с ней, сами понимаете, – сделала Нонна Голубева страшные глаза.

– Он ее бросил?

– Не знаю, бросил или нет, но отстранился. Ушел на дно, я бы сказала.

Софья безнадежно пыталась минувшие три недели его с этого дна выловить. Даже досаждала ему, но Горячев ее знаки внимания оставлял без ответа.

– А как он обрадовался, когда Соседова заикнулась о непричастности Сашки Воронцовой к скандалу с диском! – Голубева мечтательно закатила глаза, сцепила пальчики замочком, прижала к груди. – Его эта новость просто к жизни вернула! Он так стремился с Соседовой остаться с глазу на глаз, но...

– Но?

– Но ее облепили эти двое – Савельев и наш главбух Заломов. И даже близко подойти не дали. Но, думаю, у них теперь все будет хорошо. Воронцову реабилитировали. Так романтично, господи...

Смерть секретарши Сонечки и заместителя Соседовой, Савельева Геннадия Степановича, ее, казалось, не тревожила вовсе. Говорить она об этом не хотела. У нее никаких предположений не было на предмет того, кто мог пожелать им смерти.

– Ну ладно, Савельев все-таки значимая фигура, хоть и противная. – Нонна сморщила аккуратный носик. – Но Соня... Кому она нужна? Ляпсус какой-то!

– Что, простите? – Бедный Игорек, не успевающий записывать ее трескотню, вытаращил глаза. – Ляпсус?

– Ну да! А что? – Она глянула на Игорька с пренебрежением: – Вам не нравится это слово?

Нонна тщательно обходила вниманием помощника Данилова, сосредоточившись исключительно на нем. Ей импонировал смуглый черноволосый следователь. И она даже бы с ним... Если бы он захотел, конечно...

– Ничуть. Просто хотелось бы знать, какой смысл вы в это слово вкладываете?

– Ошибка, молодой человек. Мне все это кажется какой-то чудовищной ошибкой. – Последние слова свои она договаривала, уже глядя в глаза Данилову. – Мне кажется, что отравить хотели Савельева. А Сонечка попала за компанию.

Данилов сердечно поблагодарил девушку, сунул ей свою визитку на случай, если она вдруг вспомнит какие-нибудь щемящие душу подробности, способные пролить свет. И вышел с Игорьком в коридор.

– Знаешь, в ее словах есть доля истины, – проговорил он задумчиво, рассматривая длинный широкий офисный коридор. – У меня тоже сложилось впечатление, что бедная девушка попала по ошибке. Что-то съела, выпила за компанию и умерла.

– А как мы узнаем, что именно? Наши эксперты ничего не нашли! Ни в машинах у них, ни дома, ни в кабинете Савельева, ни в приемной. Уборщица утверждает, что ничего такого не было, ничего такого она не выбрасывала. Ничего! Ни упаковок, ни коробок, ни бутылок, ни чашек.

– Стоп! Игорек, да ты молодец!

Широко шагая, Данилов за пару минут преодолел длинный коридор, взлетел вверх по лестнице, ворвался в приемную и едва не свалил с ног высокого мужчину, стоявшего в задумчивости перед высокой стойкой секретаря. Длинные тонкие пальцы его маршировали по полированной поверхности стойки. Глаза внимательно за этим маршем наблюдали.

– Что это вы, юноша, носитесь, как по стадиону! – неодобрительно покосился он на Данилова. – Здесь все же офис.

– Кто вы? – просто спросил Данилов, демонстрируя удостоверение.

– Главный бухгалтер Заломов Василий Васильевич.

Глубоко посаженные глазки главбуха хищно вцепились в лицо Данилову, расчленив его на фрагменты. Сначала они прошлись по его открытому лбу, пощупали высокие скулы, обошли вниманием прямой правильной формы нос, неприлично сосредоточившись на полных губах, и тут же нырнули в черные даниловские глаза, как скальпелем в них пырнули.

– К вашим услугам.

– Что вы здесь делаете? – Данилов кивнул на стойку, а потом на дверь Соседовой. – Там и тут никого нет. Алла Юрьевна уехала, насколько мне известно.

– Мне тоже это известно, юноша, – неприятным голосом ответил Заломов. Обвел взглядом приемную. – А здесь я... Здесь я рассуждаю, юноша. Размышляю и сопоставляю.

– И о чем же вы размышляете?

Данилов обошел его, зашел за стойку, потом за шкаф, внимательно осмотрел раковину. Для чего-то понюхал сток. Пахло моющим средством. Ясно, поработала уборщица. Она всегда убирала по вечерам, он уже это знал. После того, как все уходили. Потом влез в шкаф и принялся осматривать посуду на полке. Дорогой чайный и кофейный сервизы. Несколько серебряных подносов, столовые приборы. Он достал перевернутый вверх дном кофейник, который стоял с самого края, осмотрел его, снова зачем-то понюхал.

– Вы движетесь в правильном направлении, юноша! – вдруг воскликнул Заломов, хищно оскалившись, и хлопнул в ладоши. – Я бы сказал – «горячо»!

– В смысле? – Данилов потряс кофейником. – Вы хотите сказать, что яд вчерашним вечером был тут?!

– Думаю, что да. – Заломов обошел стойку, подошел к Данилову вплотную. Взял из его рук кофейник, осмотрел его. И тоже для чего-то понюхал. – Бедный Савельев, бедная Сонечка. Они выпили яд, который предназначался Соседовой.

– Та-ак... – Данилов остолбенел. Вытащил аккуратно кофейник из цепких жестких пальцев Заломова. Вернул его на полку. – Давайте-ка с этого места поподробнее. Идет?

– Как прикажете, – Заломов развел руками и вдруг пригласил всех в свой кабинет. – Там мне как-то сподручнее и рассуждается лучше.

Прошли в его кабинет – это была следующая за приемной дверь по коридору. Игорек застыл у входа. Данилов по привычке сел у окна, вытянул ноги, сцепил руки на животе, полуприкрыл глаза. Заломов какое-то мгновение неодобрительно его рассматривал, потом со вздохом прошел на свое место за громадный, как торговый прилавок, стол.

– Итак, вы считаете, что яд был в кофейнике? – нарушил тишину Данилов.

– Я не считаю, юноша. Я в этом уверен, – проскрипел Заломов и забарабанил сухими, как ветки погибшего дерева, пальцами по столешнице. – Я много думал эти часы. Все по минутам вспоминал. И пришел к выводу, что... что Гена и София попались случайно. Отравить хотели не их.

– А кого? – Данилов уже догадался, уже знал ответ, но услышать все же хотел.

– Соседову! Конечно, ей предназначался яд. И она сама, дура, виновата! – Левая щека главбуха нервно дернулась, губы сжались тонкой полосой. – Устроила шоу, понимаешь!

– Давайте по порядку. – попросил Данилов. – Яд, по вашим предположениям, находился в кофейнике, так?

– Так.

– Кофе предназначался Соседовой?

– Совершенно верно. Был, был у нее такой ритуал – выпивать кофе перед совещанием, в момент совещания и после. София готовила ей кофе ровно на четыре чашки. Вот Алка пила две до совещания. Одну – пока мотала нам нервы. И одну – уже после того, как все уходили. Отходила, так сказать.

– Так бывало всегда? – уточнил Данилов, нехотя достал блокнот и сделал там несколько пометок.

– Совершенно верно. Правилам своим она никогда не изменяла. За исключением того рокового вечера. – Заломов так глубоко втянул в себя воздух, будто решил оставить их в своем кабинете в полном вакууме. – Но слишком уж мерзкой была повестка. Слишком. И выпить чашку в процессе Алка забыла. Руки у нее были заняты. Она все время шпилила кнопку черной кожаной папки. А потом ей было не до этого.

– То есть до совещания она кофе выпила? Две чашки, как и положено?

– Не могу знать. Спросите у нее. – Заломов принялся тереть кончиками пальцев подбородок, покрытый жесткой светлой щетиной. Глаза его смотрели невидяще. – Если выпила, значит, изначально кофе не был отравлен. Он и не мог! София его готовила и сразу несла ей. Так было всегда.

– Вы когда пришли в приемную?

– Задолго до начала. Когда я пришел, Савельев уже был там. Принес Софии розу. Я тоже, старый идиот, с розой к ней приперся. Все-то нам хотелось узнать из первых уст, с какой целью собирает нас под самый вечер наша змея!

– Когда вы пришли, София сидела на месте?

– Совершенно верно, юноша. Савельев стоял перед стойкой. Я встал рядом с ним.

– В вашем присутствии она кофе не подавала Соседовой?

– Нет. Кофейник уже был там. Когда мы вошли, он стоял там вместе с чашкой. Погодите! – вдруг воскликнул Заломов, дернув шеей. – А ведь Алка пила кофе-то. Точно, пила! Чашка была с гущей.

– Значит, она выпила привычные две чашки до совещания, так?

– Выходит.

– И осталась жива. Значит, изначально кофе не был отравлен. Дальше? Что было дальше?

– А дальше она принялась наматывать всем нам нервы на кулак. Начала тыкать в какую-то черную папку и утверждать, что там у нее компромат на одного из нас. Все расписывались, конечно! Крыса, говорит, среди нас. Я, говорит, почти знаю, кто это. И еще она принялась угрожать, что на утро обратится за помощью в полицию. А это уже совершенно другой расклад. Одно дело – быть уволенным, совершенно другое – быть привлеченным по статье. Вот так! Поднялся такой шум. Гвалт. Она объявила совещание законченным. Но никто не ушел. Все столпились возле ее стола, заговорили разом, и вот тут... тут, я думаю, кто-то и отравил кофе. Кто-то сыпанул яд в ее кофейник.

– А Савельев? Он что, выпил из ее кофейника?

– Вот именно! – Заломов откинулся на спинку кресла и глянул на сотрудников взглядом, полным страха. – Но не сразу, господа полицейские. Я как подумаю... Это мистика просто какая-то! Соседова налила себе чашку, поставила ее на край стола. Ее кто-то отвлек в этот момент. Горячев, кажется. Все хотел с ней с глазу на глаз переговорить. Кто-то, не помню кто, едва не смахнул эту чертову чашку со стола. Я подхватил. Хотел хлебнуть. И Савельев... Он выхватил ее из моих рук. И... и выпил. Все до капли выпил. И говорит, фиг тебе, Вася.

– Так и сказал?

– Да. И еще подмигнул так победоносно, будто на скачках меня обошел, идиот! – с неприкрытой горечью закончил Заломов. – Потом мы вышли все из кабинета.

– Все-все?

– Да. И Соседова тоже. Ее будто гнал кто. Может, просто боялась оставаться в кабинете после того, как устроила такое представление. Может, спешила куда-то... Короче, когда мы уходили все вчетвером...

– Кто именно?

– Я, Соседова, Савельев и Горячев.

– Кофейник оставался на краю стола?

– Именно. И там еще оставался кофе. Я точно знаю, я хотел себе налить после того, как Савельев перехватил у меня чашку. Взял в руки, встряхнул.

– И не выпили?

– Нет, не успел. Все двинулись к выходу. Я – за ними.

– Соня была в приемной?

– Да. Соседова сказала ей, что она может быть свободна, и мы все ушли. Думаю, что бедная девочка допила кофе. Она всегда убирала со стола Соседовой. Та не позволяла уборщице дотрагиваться до посуды. Посудой ведала Соня. Она убрала, допила кофе и... и отравилась. – Заломов замолчал, тупо рассматривая стол с аккуратными стопками папок. – Кто-то хотел отравить Аллу. А попались Савельев и Соня. И чуть я не попал... Это... это рок! Судьба!

– Сделано это было уже после совещания. Когда все столпились возле ее стола, – проговорил Данилов.

– Да. Сделано это было уже после совещания. Когда все столпились возле ее стола.

– Как думаете, кто это мог быть?

– Не могу знать, – насупился еще сильнее Заломов и сделал вторую попытку оставить кабинет без воздуха. И вдруг проговорил, с силой выдохнув и глянув на них с сумасшедшинкой: – Даже не могу предположить. Я этого не делал точно. А кто мог ее ненавидеть так же сильно, как и я, я не знаю...

Глава 5

Первой почувствовала за собой слежку Валечка. Утром она сходила в ломовский магазин за свежей чайной колбаской и вернулась сама не своя.

– Добился?! – выдохнула она, едва шевеля посиневшими вялыми губами. – Поменял отопление за счет ЖЭКа, сволочь старая?

Взгляд ее, упершийся в молчаливо стоявшего посреди коридора мужа, вдруг поплыл, сделался мутным, и Валечка осела на пол, прямо в пыльное пятно, оставленное ее босоножками.

– Убьют ведь нас, Ваня! Спишут по чистой! – прохрипела она, заваливаясь на бок.

Ваня не сделал попытки ее поднять. Просто стоял и с брезгливой гримасой рассматривал, как возится на пыльном полу его неуклюжая, сильно постаревшая жена. Он бы многое отдал, чтобы ее теперь шарахнул insult или инфаркт. Пусть даже не насмерть. Пусть просто она перестанет говорить и двигаться. Лишь бы перестала говорить и двигаться. Лишь бы не слышать ее отвратительного голоса. Не видеть, как перекатываются под одеждой складки ее старого тела.

Он давно уже ждал этого. Очень давно. И теперь с садистским удовольствием наблюдал за ее испугом. Мог бы долго так стоять, но любопытство все же взяло верх. Иван шагнул к жене, протянул руку и, когда та в нее вцепилась, с силой дернул вверх.

– Спасибо, – буркнула Валечка, сняла босоножки и потащиась в кухню, без конца приговаривая: – Я так и знала... Я так и знала, что на старости лет ты, сволочь такая, облажаешься.

– Ты долго будешь кудахтать? Может, расскажешь по существу?

Ваня вошел следом за ней в кухню – красивую, нарядную, как рождественская открытка, – выхватил из ее рук батон чайной колбасы в натуральной оболочке и батон хлеба. Выдвинул ящичек, где пряталась резательная доска, и принялся готовить себе бутерброды. Сделал четыре штуки. Сел с ними к столу, покрытому льняной красной скатертью. Глянул на жену, застывшую возле окна.

– Ну! В чем дело? – прикрикнул он с набитым ртом.

– Вон машина во дворе. Видишь, темная?

Пришлось Ивану вставать и рассматривать черный седан из-за ее плеча.

– И что?

– В ней сидят двое. Морды – во какие! – Валечка растопырила ладони возле своего не мелкого лица. – Я – в магазин, один вышел из машины и за мной. Я из магазина, он – следом. Я в подъезд, он – в машину.

– И что? Может, ждут кого? А в магазин пошел за питьем или сигаретами.

Иван равнодушно пожал плечами, стараясь говорить как можно спокойнее. Стараясь быть убедительным. Но...

Но он узнал эту машину, хотя и не видел водителя. На этом автомобиле частенько подвозили Филонова к его офису. Значит, это его дружки бандитские. Значит, в самом деле их пасут. Зря он обнажил свою осведомленность, зря. Надо что-то делать, как-то себя обезопасить, иначе дело дрянь. У него на это чутье.

– Ничего он в магазине не покупал, скотина! – заорала Валечка, поворачиваясь к нему потным несчастным лицом. – Он просто стоял у прилавка, смотрел на меня и ухмылялся. Ты виноват, ты!..

Ее крепко сжатый кулак трижды ударил Ивана по плечу. И так сильно ударил, что плечо зануло. Хорошо, нож он вовремя отложил, успев нарезать бутерброды. Хорошо. Иначе вошло бы лезвие аккурат между ребрами его толстомясой супруги. Он стиснул зубы и вернулся к столу. Впился крепкими зубами в бутерброд.

– Это слежка за нами, – простонала она через час, обнаружив, что черная машина так никуда и не уехала. – Это Филонов прислал своих дружков, чтобы они нас... Господи, зачем тебе это было надо?! Кто тянул тебя за язык, сволочь ты старая?! Как теперь быть?

– Не бухти, я что-нибудь придумаю, – не совсем уверенно пробормотал Иван.

И решил, что надо попробовать сделать вылазку с целью проверки. Сделал. Тоже пошел в магазин, теперь за молоком, хотя и не нужно было. В холодильнике стояли две полные бутылки.

И точно: из черного седана вылез мордастый малый, стоило Ивану поравняться с машиной. И пошел за ним следок в следок до магазина и обратно. И ничегошеньки не купил. Как Валечка и сказала, стоял у прилавка, рассматривал Ивана и ухмылялся.

Был ли то акт устрашения или следовало ждать чего-то более ужасного, Лопушин не знал. И знать не хотел. Он хотел удрать отсюда как можно дальше и как можно быстрее. Но удрать хотел один. Валя ему была ни к чему. Он так ей и сказал, когда принялся вечером собирать вещи, а она вдруг разревелась.

– А как же я, Ванечка?! Я одна не смогу! Без тебя не смогу, – неожиданно призналась она ему. – Привыкла уже за столько-то лет. Прости, если что было не так, но...

Тут ее слова, которые его и удивили и рассердили одновременно, прервал звонок в дверь. Длинный и пронзительный.

– Они! – взвизгнула она истошно и вцепилась ему в руки: – Не подходи к двери! Не подходи, прошу тебя!

Звонили без остановки. Просто кто-то поставил палец на кнопку и не убирал его. Бандиты, если они намеревались их убить, так светиться не станут, решил Иван. И отцепив от себя Валины судорожно цеплявшиеся пальцы, пошел в прихожую. Не включая света, на цыпочках он подошел к двери, припал к глазку. И едва не задохнулся от ненависти.

Старик! Это звонил старик из квартиры напротив! Седая его голова гневно дергалась. Обнаженная рука, задранный к кнопке звонка, тоже дергалась.

– Открывайте, проходимцы! – вдруг заорал не своим голосом старик. – Открывайте, или я вызову полицию!

– Ах ты старая сволочь! – тихо прошептал Ванечка и принялся крутить головку замка.

Он распахнул дверь и, прежде чем старик успел вымолвить хоть слово, ударил его кулаком в переносицу. Это очень болезненно, очень. Он знал. И на какое-то время превращает противника в безвольную куклу. Старик не был противником – он был просто стариком.

– Гады, проходимцы, – захрипел он, падая на одно колено и зажимая нос ладонью. – Уже обнаглели совсем! Уже до воровства скатились!

– Ты чего?! – Из-за спины Ивана выскочила Валечка и нависла над стариком, подбоченившись: – Ты чего, старый козел, ты кого обвиняешь в воровстве?! Совсем из ума выжил?!

– Воры! – громко хрипел старик. – Воры, проходимцы! Наградной пистолет! Память! Украли! Воры, проходимцы! Видели, видели люди, как вы возле моей двери терлись! Воры!

Где-то внизу и сверху захлопали двери. Кажется, кто-то свешивался через перила, с любопытством рассматривая разыгрывающийся спектакль. Иван аж позеленел.

– Уйди, старик! – крикнул он громко. Так, чтобы слышно стало всем зрителям. – Уйди, или я вызову полицию!

Тут же он подумал, что этот инцидент для них с Валечкой как нельзя кстати. Он вызовет полицию, те приедут, начнется разбирательство. А они с Валечкой под шумок смогут скрыться от черного седана, так и не исчезнувшего со двора до сих пор.

– Уйди, или я вызову полицию! – еще громче, почти крича, повторил Иван.

Валечка притихла, сразу смекнув, что орет ее супруг не из блажи какой, а из расчета. Что-то уже сообразила его седая голова. Она быстро исчезла в квартире, усилив свои старания по сбору необходимых вещей.

– Уйди! – в последний раз крикнул Иван и попятился в квартиру.

– Воры, – уже тише повторил между тем старик и заплакал: – Наградной пистолет! Украли, воры!

Иван, заметив чью-то длинную прядь волос, свесившуюся с перил верхнего этажа, ловко разыграл благородство, подняв старика и проводив его до дверей его квартиры.

– Вам следует успокоиться, – сказал Иван, буквально впихивая старика в его квартиру и возвращаясь к себе.

Он запер дверь, послушал, как стучат захлопываемые двери сверху и снизу в подъезде. Зрители разошлись. Удовлетворенно улыбнулся и, войдя в спальню, где Валечка лихорадочно собиралась, проговорил:

– Первое действие закончилось.

– А второе? Каким будет второе? – Она развела руки в стороны, растягивая чистую ночную сорочку и размышляя, брать ее с собой или нет.

– А вторым действием я вызову полицию сразу, как ты соберешь свое барахло. Под шумок мы с тобой слиняем. Поняла, курица? – Он ткнул ей кончиками пальцев в затылок.

– А если у тебя ничего не выйдет? – Она скомкала сорочку и швырнула ее в сторону, заметив крохотную дырочку на кружевном воротничке.

– Выйдет. – Он сел на край кровати, наблюдая за ее лихорадочными движениями. – Только тебе придется все оставить. Все, кроме денег. Деньги надо будет забрать, Валечка.

– Их тут нет, – сразу смутилась она под его пристальным взглядом. – Ты же знаешь – я не храню деньги дома!

Знал. Конечно, он это знал. Иначе нашел бы давно. Обысков было несколько.

– Ладно, заберем по дороге, – смиренно опустил он голову.

– А твои? Твои где деньги?

Иван достал банковскую карту, помотал у нее перед носом:

– Здесь, Валечка.

– А-а, понятно. – Она быстро опустила алчный взгляд. И повторила на его манер: – И ладно. И хорошо. Слышь, Ванечка, а если вдруг что-то пойдет не так?

– Что именно?

– Вдруг второе действие будет не таким, как ты задумал?

– Дура, – холодно ухмыльнулся он ей в темя. – Мой сценарий. Моя игра.

Тут, словно в опровержение его утверждений, снова раздался длинный пронзительный звонок.

– Сам дурак! – вякнула Валечка, бледнея и поднимаясь с коленок перед кроватью. – Вот тебе и второе действие не по твоему сценарию. Снова старик! Как же он достал!

К двери они шагали бок о бок. Даже мешали друг другу в узких дверных проходах, но настырно шли на непрекращающийся звонок. Иван отпер замок, Валечка дернула дверь на себя. И одновременно они выпалили:

– Что надо?!

Валечка даже не сразу поняла, что случилось, когда раздался дикий грохот, от которого ей заложило уши. Глянула на Ванечку, а он уже лежит возле ее ног. Вместо лица у него страшное кровавое месиво, обнажившее белые кости и зубы, стоявшие Ванечке целого состояния.

– Что надо? – еле успела она вымолвить и упала с развороченным черепом рядом с мужем...

Глава 6

Саша говорила по телефону с Горячевым, когда в дверь ее квартиры позвонили.

– Саша, ко мне пришли, – пожаловалась она.

– Кто? – мягким, нежным голосом спросил он. – Ты ждала кого-то в гости?

– Нет, не ждала.

Саша удивленно оглянулась на дверной проем гостиной. С чего-то звонок сделался непрерывным. И, как показалось ей, агрессивным. Дед к ней прийти не мог, они три часа назад говорили по телефону: он собирался разбираться в доме, а потом отдыхать. С Сашей Горячевым, который прежде бывал у нее нечастым гостем, они говорили по телефону, это тоже был не он. Кто же тогда?

– Пойди открой. Потом договорим. Я еще не сказал тебе самого важного, – произнес он все так же мягко и нежно и отключился.

Саша встала с дивана, где валялась последние полчаса, жмурясь от счастья. Глянула на часы: половина девятого вечера.

– Кто там? – спросила она, ничего не разглядев в дверной глазок.

– Сашка! Открывай! Беда!

Три слова в ответ. Хлестких, болезненных, жестких.

– Витька, ты, что ли?

Ей показалось, это хозяин дежурного магазинчика, что располагался под ее окнами, который вечно ставит свою машину поперек проезжей части и с которым она постоянно скандалит из-за этого.

Витя Ломов. Точно, он. Но зачем он тут? Что ему надо? Может, задел, паразит, все же ее машину, неудачно паркуясь на своей «Газели»? А что мог привезти так поздно? Он никогда так поздно ничего не выгружал.

– Вить, ты? – повторила она.

– Да я, я это. Открывай, беда, говорю!

Саша открыла дверь, уставилась на Ломова. Выглядел тот, как обычно, как будто только что его башкой подметали проезжую часть на проспекте. Заодно воспользовавшись и его штанами и рубашкой. То есть грязный, лохматый, потный. Теперь вот еще и бледный.

– Сашка, пошли! – потребовал Витя и шагнул в сторону от двери. И повторил: – Беда!

– Что без конца повторяешь! – возмутилась Саша и опустила взгляд на свои голые ноги.

Она была в коротких шортах, крохотной маечке, едва достающей до пупка, и босая. Вечер начала сентября не был теплым. Надлежало одеться. А если еще и патрульных ждать для составления протокола. Это на тот случай, что Витька все же впился громадным колесом своей машины в ее бампер.

– Надо одеться, – уточнила Саша. – Что стряслось-то? Машинку мою задел?

– Вот дура-баба! – возмутился Ломов. – Стал бы я к тебе подниматься! Протокол бы составили, тогда и позвали. Не задевал я ничего. Беда... беда с дедом твоим, Сашка.

Господи! Бабка! Она все же достала деда с того света! Она же напороочила, что дед не доживет до холодов.

Саша зажала рот ладонью и минуту смотрела на Витькину косматую голову, которую тот опустил, чтобы не встречаться с ней больше взглядом. И от того, что он не желал на нее больше смотреть, ей стало совсем худо.

– «Скорую»... «Скорую» вызвали?! – прошептала она. И затараторила, хватая с вешалки куртку и вдевая ноги в высокие кроссовки: – Вить, у него сердце в последнее время барахлило. Вить, «Скорую» надо же! Чего молчишь? У него давление или сердце? Вить, чего, а?!

Она выскочила из квартиры в длинной пуховой куртке до голых коленок и высоких кроссовках на босу ногу. Заперла дверь, застегнула куртку на две кнопки снизу и пошла следом за Витькой к лифту. В кабине они встали бок о бок. Он молчал, и она замолчала. Задать ему самый страшный вопрос она все никак не могла. У нее язык не поворачивался спросить, жив дед или нет. Может, все-таки Витька ошибался? Может, не все так плохо? И сейчас она схватит деда за руку, когда его понесут на носилках к карете «Скорой помощи», и...

– Саш, его больше нет, – обронил Витя, когда лифт остановился на первом этаже и двери с металлическим лязганьем распахнулись.

– Что?! – Она шагнула наружу, привалилась к стене, глянула диковато на хозяина магазина. – Что ты сказал?!

– Твоего деда больше нет, Саш. Хотел как-то мягче... – Он замялся, снова низко опуская голову. – Но не приучен я к таким словам. Просто прими это как неизбежность, Саш. Так бывает. Наши старики уходят и...

– Вздор! – взвизгнула она и, оттолкнув его – он загораживал проход, – побежала к подъездной двери. – Он был жив и здоров три часа назад. Он собирался разбирать старые вещи! Мы завтра должны были... весь хлам выбросить! Мы... мы должны были...

Она нечаянно споткнулась о порог и еле удержалась на ногах. Или это Витька подхватил ее под руку, не дав раскроить ей лоб о железную подъездную дверь.

– Остановись, – попросил он тихо. – Отдышись.

Саша оперлась ладонями о подоконник, зажмурилась. Видеть вечернюю милую тихую улицу было выше ее сил. Мягкий свет уличных фонарей делал сентябрьский вечер уютно оранжевым. Спокойно прогуливались парочки. Мирно трусили собаки в сопровождении хозяев. Узкие тонкие листья ив, отражая свет, сверкали золотом. Все там, на улице, было замечательным и спокойным. Ничто не предвещало конца света, который наступил для нее.

«Да и нечего ему там, с вами, нечего делать...» – вспомнился бабкин монолог из недавнего сна.

«Пришло время. Видимо, пришло и его время», – упала тяжелой едкой каплей в сердце мысль о бренности бытия. Это неизбежно. Это рано или поздно должно было случиться. И Саша не смогла бы его укараулить. Не смогла бы.

– Его уже увезли? Кто обнаружил тело? – еле выдавила она через сухие рыдания, сотрясающие тело. – Сердце? Что сказали врачи? Почему он не позвонил мне, господи! Почему кто-то оказался рядом с ним в тот момент, а не я?! Ну! Что молчишь?! Кто его?.. Как он?..

– Его обнаружила полиция, – едва слышно проговорил Витька, встав рядом с ней возле подоконника.

– Он что, упал на улице? – Саша зажмурилась от слез, хлынувших внезапно. Оранжевая улица съежилась вдруг и поплыла в сторону, увлекая за собой Витькин магазин, как будто случилось наводнение.

– Нет. Его обнаружили дома.

– Кто-то из соседей вызвал «Скорую»?.. погоди! А почему полиция?! – Саша стремительно вытерла глаза, щеки, уставилась на Витьку как на дурака. – Ты чего несешь?! При чем тут полиция?!

– Ее вызвали соседи.

– Зачем? Когда старому человеку плохо, кого следует вызывать, Витя?! – Она вцепилась в рукава его рубашки и трянула, разворачивая хозяина магазина на себя. – Кого следует вызывать, когда старому человеку плохо?! При чем тут полиция???

– Не ори, Саш, – лицо Ломова болезненно сморщилось. – Оглушила просто. И рубаху не рви. У меня их не так много.

– Что?! – Она опустила взгляд на свои руки, комкающие рукава его рубахи, тут же отпрянула. – Извини.

Саша привалилась спиной к стене, чтобы не видеть сентябрьского вечера, живущего за подъездным окном слишком неспешно и мирно. Подышала полной грудью. Надо было собраться. Надо было сжать себя всю, как пружину. Надо было перестать выть, плакать, орать на бедного Ломова. Надо было загнать поглубже слезы. У нее еще будет время нареваться. Еще будет время. Теперь ей его расходовать не на кого.

– Все... все, я в порядке. – Саша застегнула куртку до подбородка, затянулась поясом, который нашла в кармане. – Говори... Все говори, прежде чем мы пойдем туда. Нам... нам ведь надо туда, так?!

– Да. Тебя там ждут.

«Кто-то, но не дед», – вонзилась острая игла в гортань, мгновенно перекрывая дыхание.

– Говори, потом пойдем, – прохрипела Саша. – Я должна быть готова.

К тому, что рассказал Витька Ломов – этот странный, несуразный человек, имеющий магазин, но не имеющий лишней рубахи, – подготовиться было невозможно. Это было такой чудовищной фантазией, что в первую минуту Саша расхохоталась.

– Ты идиот совершенный, Витя, да?! – вытаращив глаза, как безумная, хохотала ему в лицо Саша. – Мой дед сначала пострелял соседей, а потом застрелился сам? Ты идиот? Господи, а я-то и правда поверила...

Он ее ударил. По щеке. Просто чтобы привести в чувство. И это подействовало. Смех прекратился. Саша замерла перед ним с открытым ртом и прижатой к щеке ладонью. И показала ему такой маленькой, такой несчастной и беззащитной, что он не выдержал и обнял ее:

– Идем, Саня. Полиция велела тебя привести. Идем. Истерить будешь позже...

Она шла в обнимку с Ломовым через весь дедов двор. Нелепая, в длинном, перетяннутом в талии, пуховике и высоких кроссовках на босу ногу. Несчастное, перекошенное от горя лицо, растрепавшаяся стрижка, вытаращенные заплаканные глаза.

Все происходящее в тот момент было как бы с ней и не с ней одновременно. Боль то накачивалась, то казалась посторонней. Мысли то пронзали, то казались отстраненными и трезвыми.

Хорошо, что вечер, народу мало, думала Саша, неуверенно шагая с Витькой в ногу. Иначе от зевак, злобно шепчущихся вслед, было бы совсем скверно. Но возле подъезда народ все равно был. И машины полицейские с включенными мигалками. «Скорой» не было. Ах да, зачем она, если все мертвы. Деда увезли или нет? Он в квартире застрелился или...

Кого из соседей он застрелил? Наверняка ту мерзкую парочку, на которую постоянно Саше жаловался. Почему она не помогла ему приструнить их?! Почему не встала на сторону деда, а поверила им?!

Народ резко раздался в стороны, когда они с Виктором подошли к подъезду деда. Саша вскинула голову и шагнула к подъездной двери. И снова, если бы не Ломов, упала бы. Потом был очень длинный изнурительный подъем: лифт остановили, запретив им пользоваться. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой. Навстречу попадались какие-то люди, тут же прилипающие к подъездным стенам и прятавшие от Саши взгляды. Слепили вспышки фотоаппаратов. Кажется, их была целая дюжина. Как будто кто-то устроил чудовищную по замыслу фотосессию в подъезде деда.

– Зачем все это?! – тихо простонала она.

Кивнула на мужчину, скорчившегося на корточках у открытой двери, той самой, за которой жили досаждавшие деду соседи, которых она сочла вполне милыми людьми. Человек что-то соскребывал с пола, чем-то, наподобие ушной палочки, и отправлял все в пробирку.

– Если все всем ясно, зачем это?!

Саша всхлипнула возле открытой двери дедовой квартиры. Там активно кто-то что-то делал, был слышен стук передвигаемой мебели и голоса. Целый хор голосов!

– Не могу! – Она уперлась пятками в порог квартиры, обернулась на бледного Ломова: – Витя, не могу!

– Надо, Саша, – довольно-таки грубо он втолкнул ее в квартиру, крикнув ей вслед: – Принимайте, господа полицейские. Это внучка убийцы...

Все вопросы, которые ей потом задавали, и собственные ответы – несуразные, сумбурные, никому не нужные – совершенно не вспомнились на следующее утро. Все тот же хор голов остался в памяти, мелькание чужих лиц перед глазами. Калейдоскоп просто лиц! Симпатичных и не очень. Озабоченных и раздраженных. Ей даже представлялись, кажется. Даже кто-то жал ей руку, призывая держаться. Все комом, все смутно.

Ничего не вспомнилось с такой болезненной четкостью, только Витькины слова.

– Это внучка убийцы! – крикнул он почти с облегчением, видимо, от мысли, что миссия его завершена. Он и правда потом куда-то исчез. – Это внучка убийцы...

Саша заворочалась на диване, села. Обнаружила, что всю ночь проспала в тех же высоких кроссовках, в которых шла вчера через улицу, и в пуховике. Она даже не расстегнула его и пояс не развязала. Теперь у нее ныли все бока и живот. Или это не от пояса, а оттого, что не хватало дыхания? Как она очутилась дома?

Саша поставила на коленки локти, осторожно пристроила гудящую болью голову на сцепленные пальцы, постаралась вспомнить.

Она говорила с кем-то. Так? За ней записывали. Какой-то парень, высокий, веснушчатый, он смотрел на нее с сочувствием. И даже подал ей стакан воды, когда у нее перехватило горло. Потом она снова говорила, но уже с другим человеком. Среднего роста, с крепкими мышцами, цыганистого вида молодой мужик смотрел на нее без сочувствия. И зачем-то задавал ей вопросы про Соседову Аллу Юрьевну.

– При чем тут Алла Юрьевна? – возмутилась она в какой-то момент.

Конечно, он ответил ей, что здесь вопросы задает он, а ей следует не капризничать, отвечать и все такое. Потом спросил про Сашу Горячева. Когда она с ним в последний раз виделась.

– Давно, – честно ответила Саша.

– И не общались вовсе?

– Он звонил мне сегодня, – вспомнила она. – Мы говорили с ним как раз тогда, когда Ломов пришел мне сообщить...

Ей снова перехватило горло. И снова ей подал стакан воды тот парень в веснушках.

Что было потом? Потом она что-то подписала и пошла домой. Нет, не так. Кажется, ее кто-то провожал до дома. Она точно помнит, что чья-то чужая рука открывала ключом дверь ее квартиры. Кто-то ее провожал. Кто?!

– Ни черта не помню, – пожаловалась Саша своему смутному отражению в громадной плазме телевизора. – Кто это был?

Тот, кто провожал ее поздно ночью до дома, позвонил ей через час. Все это время она безуспешно пыталась найти выход своему горю в слезах, но они вдруг исчезли. Тошнотворные спазмы разрывали желудок, сотрясали грудную клетку, а слез не было. Саша приняла душ, сварила себе кофе, потом еще и еще. Пила чашку за чашкой, сидела в углу в кухне и тупо рассматривала сетку дождя за окном, накрывшую город. Почему-то от того, что шел дождь, было немного легче. Яркий контраст солнечного дня она бы точно не пережила.

– Александра? – Номер на мобильном был неузнаваем. Голоса она тоже не знала. – Воронцова?

– Да, – подтвердила она, не моргая, рассматривая заплаканное окно.

– Это Данилов, Сергей Данилов.

– Мы знакомы? – Она попыталась вспомнить, кто это, но не смогла. – Простите, но...

– Ничего, все в порядке. Я провожал вас вчера ночью до дома. Я руководитель следственной группы. Веду расследование по факту... – Он ненадолго замаялся, но потом уверенно продолжил: – По факту трагедии, разыгравшейся вчера по известному вам адресу.

– А-а, понятно. – Саша допила остатки кофе пятой уже по счету чашки. – Простите, как вы выглядите? Я ничего не помню из вчерашнего. Простите.

– Я? – Кажется, он растерялся. – Обычно я выгляжу.

– Это вы с веснушками? – решила она ему помочь.

– Нет. Это Игорь Мишин. Мой помощник.

– А-а, понятно. Вы тот самый жесткий следователь, задавший мне вчера крайне много неуместных вопросов про мою начальницу Соседову Аллу Юрьевну. – Саша подперла щеку кулаком, не переставая таращиться на стекло. – Так и не могу понять, зачем? Кстати, а вашему помощнику передайте от меня большое спасибо. Он дал мне воды... Как раз тогда, когда я в этом особенно нуждалась. – И вдруг, совершенно без переходов, Саша спросила пугающе чужим голосом: – Когда я смогу похоронить деда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.